

Татьяна Абалова
КОНД КОРВИ
Его
Невозможное
Величество

Татьяна Абалова
Конд Корви. Его
Невозможное Величество
Серия «Тайные хроники
Рогуверда», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68975142
SelfPub; 2023*

Аннотация

Найдя на улице раненного незнакомца, вызывайте скорую помощь. Не слушайте его приказы и не тащите, подставив плечо, до лифта, который привезет неизвестно куда. Ваша находка вполне может оказаться Его Невозможным Величеством. После знакомства с ним дверь в родной мир будет навсегда закрыта, а сердце украдено. Книга входит в цикл "Тайные хроники Рогуверда" Первая книга "Тайные хроники герцога Э" Вторая книга "Конд Корви. Его Невозможное Величество"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Татьяна Абалова

Конд Корви. Его

Невозможное Величество

Глава 1

День выдался снежный, но не из тех, когда идешь, закрывая нос шарфом, а колючие льдинки, бросаемые ветром, так и норовят попасть в глаза. Снег падал волшебно. В преддверии Нового года красота зимы воспринимается особенно остро, и ты, даже будучи взрослым человеком, невольно ожидаешь чуда, хотя давно не веришь в Деда Мороза.

Если бы я знала, какое «чудо» ждет меня впереди, свернула бы в глухой переулок, а не шла, чуть ли не пританцовывая, к событию, которое насильно вырвет из привычного мира.

Итак, я вышагивала по заснеженной улице и наслаждалась мягкими огнями фонарей, в пятнах света которых вальсировали снежинки, блеском мишуры и музыкой, льющейся со стороны площади, где уже нарядили елку. Утром я собиралась сесть на рейсовый автобус, чтобы провести каникулы в загородном доме родителей.

Неожиданно посреди предновогоднего великолепия мой взгляд запнулся о человека, сторбившегося на скамейке.

Мужчина явно выбивался из праздничного ряда. Нет, не черной одеждой, хотя зимой многие предпочитают темный цвет. Незнакомец как раз был облачен в бежевое пальто. Он насторожил иным – положением тела: согнулся так сильно, что, казалось, вот-вот полетит головой в утоптаный снег, не такой мягкий, чтобы падение закончилось удачно.

На блестящей огнями улице незнакомец смотрелся чужеродно. Так, словно в сад райских птичек вдруг залетел черный ворон.

Я поежилась, ощутив, как невидимая холодная рука медленно сжала мое сердце. Мне бы пройти мимо и забыть о странном человеке, мало ли какие причины заставили его застыть в сгорбленной позе, но отчего-то я точно знала, что он не пьян. Он в беде. Я кожей ощущала его боль.

– С вами все хорошо? – в лучших традициях голливудского кино я задала самый тупой из возможных вопросов. Не получив ответа, я склонилась над мужчиной, но не решилась потрясти за плечо. Его темные волосы успел припорошить снег, что однозначно указывало на длительное пребывание на скамейке. Так недолго и замерзнуть. Свет фонаря позволил разглядеть, что одет незнакомец добротнo: дорогое кашемировое пальто, на безвольно висящих руках кожаные перчатки. Я разбираюсь в моде, сама не из бедной семьи.

Только сейчас я поняла, почему посчитала, что человеку плохо: вовсе не согбенная фигура сигналила мне о том, а его безвольно висящие руки.

Я присела на корточки, пытаюсь понять, что произошло, но густые пряди, закрывающие лицо мужчины, лишали возможности заглянуть в глаза.

– Простите, – я протянула руку, чтобы отодвинуть волосы со лба. При этом все внутри меня сжалось: я боялась встретиться нацеленный на меня взгляд. Это как в фильме ужасов – героиня, а вместе с ней и зрители содрогаются, когда человек, над которым она склонилась, вдруг открывает глаза. Этот не открыл. Но тем не менее я вздрогнула: на его бледной щеке застыл ручеек крови. Желая рассмотреть, как сильно бедняга ранен, я подняла прядь выше и поняла, что кровь идет из уха. Нехороший признак сотрясения мозга, если не того хуже. Нужна медицинская помощь.

Я скинула с плеча рюкзачок и, лихорадочно дергая заешую на морозе молнию, молилась лишь о том, чтобы батарейка мобильного не оказалась разряженной. До того мне незачем было беспокоиться о зарядке: от кафе, где мы перед расставанием гуляли с однокурсниками, до моей квартиры было совсем недалеко. Всего–то пройти до конца улицы и пересечь площадь.

– Ну давай, давай, – шептала я, шаря в поисках телефона между тетрадками.

– Помоги...

Сначала я решила, что мне послышалось, но когда рука незнакомца больно вцепилась в мое плечо, то поняла, что он пришел в себя.

– Сейчас я вызову скорую, – поспешила успокоить его. Телефон уже лежал в моей ладони, оставалось лишь вытянуть его через колючую щель молнии, не захотевшей открыться до конца.

– Не надо скорую...

Я видела, как на губах мужчины лопается кровавая пена. Плохо дело! Но его рука сжалась еще сильнее, призывая меня придвинуться ближе, чтобы я разобрала слова.

– Лифт. Отведи меня в лифт.

Я оглянулась, не понимая, о каком доме идет речь, но мои сомнения быстро развеялись: над всей улице возвышалась лишь одна многоэтажка, где точно должен был быть лифт. Не интересуясь, собираюсь ли я тащить его, незнакомец навалился на меня. Я еле поднялась. Коленки дрожали от тяжести. Не с моим небольшим ростом волочь на себе человека, но мужчина вцепился в меня мертвой хваткой. Хорошо хоть худо–бедно перебирал ногами.

Шаг за шагом мы потащились к сверкающему стеклом и хромом зданию.

– Куда?! – встретившая нас консьержка приняла стойку кобры, но я с упорством бульдозера перла вперед. Мне нельзя было останавливаться, иначе я рухнула бы на зеркальную поверхность пола в холле дома для богатых жителей. Здесь все кричало о достатке.

– В лифт, – просипела я из–под шапки, которая сдвинулась мне на глаза.

Консьержка сорвалась с места, желая грудью перекрыть доступ к лифту, но когда заметила кровь на лице пострадавшего, суетливо помогла – сначала нажала на кнопку вызова, а потом метнулась поддержать раненного. У меня не хватило сил не только объяснить ей, что случилось, но и поблагодарить за подставленное плечо.

Вместе мы заволокли мужчину в лифт и прижали к стене, чтобы тот не соскользнул на пол.

– Куда? – еще раз спросила консьержка, на этот раз не так агрессивно и, больше обращаясь к моему «спутнику», чем ко мне, вытирающей вязанной шапочкой потное лицо. Незнакомец, так и не открыв глаза, поморщился. Наверное, каждое слово, произнесенное громко, доставляло ему боль.

Мужчина запрокинул голову, прижавшись затылком к холодной стене лифта, и я увидела, что кровь текла не только из его ушей, но и из носа. Ворот распахнутого кашемирового пальто и костюм под ним пестрели бурыми пятнами.

– Упал, что ли? – женщина с любопытством рассматривала моего попутчика. Тут и я заметила, насколько красив мой найденыш. – Или побили?

– Не знаю, – я специально понизила голос, чтобы не доставлять страдания мужчине. – Я подобрала его на улице. Хотела вызвать скорую, но он отказался. Вы с ним знакомы?

Догадывалась, что мимо такого строгого стража и птица не пролетит – непременно схватит за хвост, а поэтому была удивлена ответом.

– Видела пару раз, только так и не выяснила, к кому он приходил. В общем–то, какое мне дело до чьих–то любовников? Да он и не отвечал никогда, словно меня здесь не было. Так, пустое место. Эх, допрыгался по чужим постелям, голубок. Сразу видно, кто–то шибко обиженный морду набил.

– В гараж, – подал голос потерпевший, с трудом разлепляя губы.

– Где тут гараж? – я, быстро напяливая шапочку, перевела взгляд на консьержку.

– Минус первый. Там подземная стоянка для жильцов, – женщина показала на нужную кнопку. – Сама до машины дотащишь? А то мне отлучаться нельзя.

– Постараюсь, – неуверенно ответила я, еще не понимая, зачем незнакомцу в гараж. В машине остались ключи от квартиры? Или он собирается самостоятельно ехать в больницу? Весьма сомнительно в его положении.

– Ну, держи голубка, – консьержка перестала подпирать чужого любовника, и мне пришлось прижать его к стенке плечом, чтобы потом не поднимать страдальца с пола. Я с трудом дотянулась до кнопки. В закрывающиеся двери заметила, как консьержка как–то неуверенно махнула мне на прощание рукой. Словно боролась с совестью, что бросила меня, хрупкую, с такой тяжелой ношей. В замкнутом пространстве лифта незнакомец казался еще больше.

– Возьми, – мужчина уперся лбом мне в висок.

Я, не понимая, что нужно взять, скосила глаза и увиде-

ла, как он пытается стянуть с пальца кольцо. Испачканный в крови массивный перстень скользил и не желал поддаваться. Когда, наконец, снялся, его протянули мне. Я сопротивлялась, прятала руку, но мужчина настаивал и даже... злился. Вся наша борьба происходила в полной тишине.

– Зачем? Мне не нужна никакая плата, – пролепетала я, едва не плача от унижения, что со мной хотят рассчитаться подобным образом. Я бы и денег не взяла, не то что массивное кольцо. Я сама способна одарить таким же, благо родители обеспеченные люди. И ведь не уйти, гордо вздернув голову, иначе раненный упадет. – Я просто так помогаю. Из чистого милосердия.

– Без кольца ты не выживешь, – хрипло произнес незнакомец, хватая меня за шею и принуждая повернуть к нему лицо.

Я впервые увидела, какого цвета его глаза. Мужчина распахнул их на мгновение. Ярко зеленые, они буквально пришили меня. Не знаю, как получилось, но он умудрился подавить мою волю одним взглядом. Сила его была столь велика, что я с готовностью протянула руку и взяла кольцо. Будь ситуация иной, я бы рухнула перед незнакомцем на колени.

Мужчина выдохнул, словно в его жизни существовала одна главная миссия – всучить мне кольцо, и теперь, после ее выполнения, ему можно было расслабиться. Он закрыл глаза и настолько обмяк, что я не удержала его вес и вместе с ним

сползла на пол.

Двери лифта распахнулись в крошечную темноту. Мне бы дотянуться до кнопки, чтобы вернуться в фойе, но придавленная обездвиженным телом, я могла только звать на помощь. Сначала неуверенно, стесняясь своего положения, которое увидят пришедшие на призыв, потом громче и громче.

– Помогите! Кто–нибудь!

Я все еще не теряла надежды выползти из–под потерявшего сознание незнакомца, поэтому дергалась под ним перерубленным надвое червем. Я столь сосредоточенно старалась выбраться, что не заметила, когда в проеме двери появились двое.

– Ваше Величество! – воскликнули один из здоровенных мужиков и легко снял с меня тяжесть.

Я не сразу поднялась. Продолжать лежать на полу раздавленной лягушкой было неловко, но куда больше меня шокировал вид «спасателей». Они были облачены в блестящие шлемы и странную одежду, сильно смахивающую на рыцарскую – я заметила выгравированную на металлическом нагруднике символ птицы, расправившей крылья.

Эти двое, тут же забыв обо мне, поволокли на плечах поникшего незнакомца, продолжая зажимать в свободных руках пики! Пики!

Словно замороженная, я смотрела им вслед, не замечая, что не только поднялась, но и покинула кабинку лифта. Лишь когда двери мягко закрылись за моей спиной, я обер-

нулась на них. Тьма не позволила разглядеть что-либо, поэтому я двинулась на свет – в конце неширокого коридора горел светильник. Я не стала шарить по темной стене в надежде нащупать кнопку вызова, решив, что выберусь на улицу через автомобильный выезд. Но вскоре сильно засомневалась в правильности своего решения: достигнув источника света, оторопело осознала, что передо мной самый настоящий факел.

– Что здесь происходит? – я растерянно обернулась к лифту, тонущему в темноте. Похлопала себя по карманам, собираясь осветить обратный путь фонариком телефона, и замерла с открытым ртом: я так и не вытащила его из рюкзака, который забыла у скамейки. – Черт!

Потянувшись за факелом, заметила болтающийся на пальце перстень чужака. Боясь потерять его, сунула в карман куртки и закрыла на молнию. Факел оказался тяжелым. Пришлось нести его на вытянутых руках, поскольку пламя так и норовило облизать мою вязанную шапку. Не хватало еще вспыхнуть свечой.

Добравшись до тупика, я застыла каменным изваянием. Никакого лифта здесь не было! Глухая каменная кладка, куда ни посмотри!

– Но я же не могла сбиться с пути? Ведь не могла же?

Факел опасно затрещал, и я бросила его, боясь обжечься. Он плюнул напоследок искрами и погас.

– Черт! Разинула варежку. Зачем вообще из лифта вы-

шла? – простонала я, разворачиваясь лицом к тоннелю. Пришлось тащиться назад, но уже в полной темноте.

Каменный коридор закончился распахнутой дверью, ведущей в небольшую квадратную комнату. Я словно попала в позднее средневековье, настолько по музейному было обставлено помещение. Слева от меня веял холодом незажженный камин, над которым висели скрещенные мечи, на полу шкура белого медведя – ее явно сдвинули, когда волокли мужчину в пальто, что повлекло за собой опрокидывание стула. Его выгнутые ножки указывали в противоположную от меня сторону – на двери, куда, должно быть, удалились вооруженные пиками люди. По центру расположился небольшой круглый стол с стоящим на нем трехрогим канделябром – единственным источником света на все помещение. Огонь на толстых свечах, повинувшись сквозняку, трепетал. В правом углу затаился короткий, на два места, диванчик, обшитый шелком. Таким же голубым, как и все остальное в комнате, вплоть до штор и обоев. Возле него открывался еще один проход. Я заглянула в него и нашла третью дверь. Над ней тоже горел факел.

Так куда идти? Где эта чертова стоянка с ее выходом на волю? Я стянула с головы шапку.

Интуитивно отказалась начать с той двери, на которую указывали ножки опрокинутого стула. Вполне возможно, я страшилась встретиться с вооруженными людьми.

Третья дверь с трудом, но поддалась. Меня несколько

обескуражили несмазанные петли. Уж очень сильно походило, что этим выходом пользовались редко. Тем более, что он обрывался резко уходящей вниз лестницей – ее осветили сами по себе вспыхивающие факелы, что испугало меня еще больше. Нет уж, лучше идти туда где люди, чем углубляться в подземелье, подозрительно сильно пахнущее сыростью и нечистотами.

Я закричала, когда на мое плечо опустилась чья–то рука.

– Меди тер, – произнес мужчина, на которого я опасливо обернулась. – А лире Лоури. Вертире оне заструччи Конд Корви.

– Я не понимаю, что вы говорите, – сумела выдавить я из себя. Во рту пересохло, и язык отказывался подчиняться.

– Вегозе? – мой собеседник был высок, и мне приходилось задирать голову.

– Вегозе, – подтвердила я, догадавшись по его удивленному лицу, что он недоумевает, почему я не говорю на их тарбарском языке. В этом гараже явно орудует какая–то сицилийская мафия.

Здоровяк внезапно взял обе мои руки в свои лапищи и повертел ими так, будто осматривал, достаточно ли они чистые.

– А, вы ищете кольцо? – догадалась я и, вытянув свои пальцы из его ладони, поспешила открыть карман куртки. – Я не хотела брать, ваш друг сам сунул его. Насильно.

Я, наконец, расстегнула молнию и вытащила перстень. Тут

же протянула его мужчине.

– Забирайте, мне чужого не нужно.

Но здоровяк поступил иначе. Повертев перстень в руках и печально вздохнув, поскольку заметил на нем следы крови, вдруг снова сунул мне его в руки.

Да что же здесь происходит?

– Меня зовут Лоури. Я личный слуга Его Величества, – я изумилась, когда он заговорил на понятном мне языке. Никакого акцента. К чему весь цирк? Почему сразу не пообщаться со мной на русском, мы же не в какой-то там Европе? – Я хотел поговорить с вами о моем хозяине и узнать, почему он оказался в таком состоянии?

– Меня зовут Полина, – представилась я, едва совладав с голосом. – Но мне нечего сказать о... Его Величестве.

Только сейчас до меня дошло, что люди с пиками тоже опознали найденыша как «Величество».

– Я нашла его на скамейке и помогла добраться до гаража. Это ведь гараж? – мое лицо само по себе скривилось в плаксивой гримасе. Я уже ничего не понимала и находилась на грани истерики. – И мне не нужно его кольцо. Мне ничего от вас не нужно, просто выведите меня на улицу.

Последние слова я произнесла, настойчиво возвращая кольцо здоровяку.

– Стерце тори, – он опять перешел на тарабарский. Лоури повторил фразу еще раз, с силой надевая перстень мне на палец. – Стерце тори фаше.

Как только кольцо село на место, я снова начала понимать здоровяка. Последняя фраза переводилась как: «Не снимай это кольцо».

– Так вот почему я понимаю вас! Все дело в кольце! – дошло до меня наконец. Лоури сдержанно кивнул, а у меня подкосились ноги.

Глава 2

В моих руках находилось нечто, не свойственное пониманию обыкновенного обывателя. Выходило, что кольцо, то есть фаше, как его назвал верзила – шпионский переводчик? Тогда получается, что пострадавший, раз уж его кличут Величеством – это местный дон Карлеоне?

Меня вновь посетили мысли о мафии. Тогда все складывалось логично: и франтоватая одежда, и длина волос, и начищенные до блеска дорогушие туфли – их я тоже заметила. А все это гротескное окружение: мечи, пики, шкуры убитого медведя – дурной вкус любящих все яркое южан. Что вообще у этих сицилийцев в голове?

Лоури, прислонив мое тело к стене, похлопал меня по щекам.

– Я не теряла сознание! – толкнула я мужчину в грудь. – Всего лишь подкосились ноги. И не смейте больше прикасаться ко мне.

Лоури сразу же убрал руки, но я так и не отлипла от стенки. Я находилась в смятении. Мою бедную голову распирали мысли и догадки. Начиная с того, что я заснула в кафе и вижу странный сон о мафии, завершая идеей, что я ударилась головой о лед и теперь нахожусь в реанимации. Ну просто не может быть все это явью!

– Но почему кольцо так странно действует? – я попыта-

лась рассуждать логически. – Где наушники, чтобы перевод слышался синхронно? – я залезла пальцами в уши. – Да и у вас я ничего не вижу. Я что, сейчас говорю на сицилийском?! На самом деле? Раз, два, три! Алло–алло! На дворе трава, на траве дрова....

Я осеклась, споткнувшись о пристальный взгляд. Словно Лоури осуждал мою чрезмерную болтливость и жалел о напрасно потраченном времени.

– Да, Паулина, перстень – артефакт, – косматые брови и седина в волосах личного слуги Его Величества настраивали на серьезный лад, но вот слово «артефакт» как–то не вязалось с умудренным возрастом моего оппонента. Если он не шутит, то издевается. – Давайте пройдем в более удобное место. Я хотел бы кое–что выяснить про своего хозяина.

– Хорошо, – кивнула я, не став исправлять свое имя. Еще немного и я навсегда забуду всю эту шайку–лейку. Конечно, при условии, что я здорова и все происходящее – не сон. – Только далеко я не пойду. И еще: поклянитесь, что после нашей беседы вы сразу же выведете меня наружу.

– Будьте спокойны, все ваши желания выполнятся. Я сам не смогу, но вот Его Величество вполне, – поняв, что я пошла на контакт, Лоури воспрянул духом. – Нужно только понять, что с ним произошло.

Мы вернулись в голубую комнату, где мне предложили сесть на диване, что я и сделала – ноги просто не слушались, тогда как Лоури поднял опрокинутый стул и устроился на-

против меня.

– Лекарь не берется привести короля в чувство, – продолжал увещевать меня слуга дона Карлеоне, – пока не выяснит, чем на него воздействовали: физической силой или магией. От ваших слов зависит способ лечения.

– Силой или магией? – мой рот опять пересох. Это не мафия. Это дурдом. Боже, во что я вляпалась?

– Простите, но я был вынужден похлопать вас по щекам. Я нашла себя полулежащей на куцем диванчике, а надо мной стоял смущенный Лоури.

– Все в порядке! – я, еще плохо соображая, быстро поднялась.

– Как-то не складывается у нас разговор, – личный слуга дона Карлеоне сел на стул. – Может быть, стоит объяснить, куда вы попали?

– Будьте любезны, – я повертела на пальце кольцо просто потому, что не знала, куда деть руки. Неловкость, сюрреализм происходящего и растущая тревога – вот предвестники истерики, которая готова была накрыть меня.

– Вы прошли к нам через портал, соединяющий наши миры. Сейчас вы находитесь в Рогуверде – древнем королевстве, которым правит спасенный вами человек.

– Но он такой молодой!

– Двадцать два года – вполне приемлемый возраст. История знавала более юных правителей. Конду пришлось занять место короля после убийства его дяди и отца.

Я кивнула. В этой части беседы Лоуренс не произнес ничего странного. Подобное случалось и у нас.

– Вы что-то говорили о магии. Что, на самом деле в Рогуверде бытует волшебство?

– Бытует, – улыбнулся Лоуренс. – Мы с вами сейчас находимся в самом большом артефакте из всех возможных. Наш замок сам по себе один огромный портал. Только Корви знают, какая дверь в какой мир ведет. Поэтому мы с вами не будем даже пытаться искать нужную дверь, можем попасть в пасть к чудовищам. В ваших интересах, Паулина, рассказать, что произошло с Кондом. Чем быстрее он встанет на ноги, тем быстрее вы вернетесь к себе домой.

– Но я ничего не знаю, правда, – я поднесла пальцы к дрожащим губам. Как страшно, когда твоя жизнь зависти от кого-то одного. А если повреждения столь велики, что Конд никогда не придет в себя? Неужели мне придется остаться здесь навсегда? В своих рассуждениях я старалась отталкиваться от той информации, которую получала, не проверяя ее на подлинность. Раз говорит, есть магия, значит, она есть. Главное, что обещают отправить назад. Я дома подумаю о том, что со мной произошло.

– Ну а все же. Расскажите о своих ощущениях.

– Все просто. И вместе с тем нет. Я шла по улице, увидела на скамейке согнувшегося пополам мужчину и поинтересовалась, все ли в порядке. А он попросил отвести его до лифта. Было тяжело, но я справилась. А потом дверь лифта за-

крылась, и я осталась на вашей стороне. На этом все.

– На улице ничего необычного не происходило? Какой-нибудь странно одетый мужчина не шел вам навстречу? Или женщина?

– Нет, ничего такого, – я подняла глаза к потолку, вспоминая недавние события. – Снег, музыка, смех. И боль. Вот! Я почувствовала чужую боль. Не знаю как. Может, я решила, что мужчине больно, так как его руки висели, словно плети?

– Весьма противоречиво – боль и висящие плетьюми руки, – Лоури с сомнением покачал головой. – Физическая боль заставляет напрячься, – он пощелкал пальцами, подбирая слова. – Собраться в комок.

– Скукожиться? – подсказала я. – Нет, ваш король не скукожился. Наоборот, он был расслаблен. Как человек без сознания. Но в то же время, хоть и односложно, но отвечал на вопросы. Общался со мной. Морщился от громких слов.

– Плохо. Все очень плохо, – произнес Лоури, поднимаясь со стула.

Я вскочила следом.

– Что значит, плохо?

– Боюсь, ваше пребывание у нас в гостях затянется.

– Объясните толком, – я, нервничая, дернула Лоури за руку. – Я ничего не понимаю.

– К Его Величеству применили магию, и потребуется время, чтобы выяснить, какую область его дара задело вражеское вмешательство.

– Но в нашем мире нет магии!

– Кому–то удалось принести ее в ваш мир. И это особенно страшно, – Лоури направился к двери.

Я побежала следом, боясь упустить его.

– Чем страшно?

– Враг, сумевший сохранить способность к волшебству в немагическом мире – очень опасный маг. И настолько сильный, что справился с Его Величеством.

– Что будет со мной, если король так и не поправится?

Я боялась отстать, поэтому не смотрела по сторонам. На данный момент Лоури был единственным человеком, кто знал о моем существовании в стенах замка. Стражники распрощались со мной в лифте и наверняка решили, что я убралась вверх. Сгину я, и никому не будет дела до моей пропажи. А Лоури, хоть и слуга, но служит лично королю. А значит, имеет определенный вес. Надо его держаться.

– Время покажет. Будем ждать и надеяться. А сейчас я должен увидеться с доктором, – Лоури остановил меня жестом руки перед помещением с огромными дверями. Стоило ему скрыться за ними, как два угрюмых стражника скрестили копья перед моим носом.

– Но я... – краснея от досады, я попыталась объяснить свою позицию, но очень быстро поняла, что разговаривать с охраной бесполезно. Один из рыцарей так выразительно стукнул древком копья о пол, что я сразу почувствовала, насколько остро наточен его наконечник, который непременно

пронзит меня, стоит только устроить скандал. Шутить никто не намерен: их король чуть ли не при смерти.

Отлично. Просто отлично. Кошмар, мало того, что продолжается, так еще становится все страшнее и страшнее.

– Не подскажите, куда мне идти? – я отошла на почтительное расстояние, на глаз рассчитав длину копья и ширину шага воина при выпаде в мою сторону. – Ну хоть глазом поведите в нужном направлении.

Копье качнулось буквально на сантиметр, и я, следуя подсказке, отправилась по ковровой дорожке в сторону выхода. Выйдя из коридора, где располагались покои Его Величества, я оказалась у лестницы, одно крыло которой вело на третий этаж, второе вниз – в огромный холл. Развилка ненадолго остановила меня. Я верно рассудила, что мне нечего делать в покоях знати – я слышала шепоток леди, которые, перегнувшись через перила, с интересом рассматривали меня, поэтому поспешила вниз. Да, я не в длинном платье. На мне джинсы и свитер, сверху пуховая куртка защитного цвета, на ногах такие же зеленые ботинки на монолитной платформе, а в руках зажата шапка. И да, я представляю, что у меня творится на голове. Поэтому у меня не возникло желания поговорить с холеными барышнями, глазеющими на меня так, словно я жаба, невесть какими путями попавшая в замок.

Великолепие дворца открывалось мне с каждым шагом. Он казался шкатулкой, наполненной драгоценностями. Ни-

каких факелов. Красивые светильники, хрусталь, позолота, полудрагоценные камни, складывающиеся в причудливую мозаику и пасторальные сценки, гобелены и ковры, бархат и шелк. Красиво, богато и... старомодно.

Я умею ценить красоту, создаваемую старыми мастерами, но не согласилась бы жить среди вещей времен короля Солнце. Я чувствовала себя туристом, попавшим в музей, где его окружают ожившие экспонаты ушедших эпох. Резко обернувшись, я застала стайку девиц, следующих за мной. Так и хотелось крикнуть «Бу!», чтобы насладиться их бегом. Наверняка я для них сейчас чудо—чудное, диво—дивное.

– Батюшки, еще одна! Глянь, Волюшка! – высокая рыжеволосая женщина в фартуке, споро сунув поднос с едой слуге в ливрее, обратилась к кому—то за ее спиной. – Никого не напоминает?

– Не припомню, чтобы у нашей Анечки была сестра. А так, конечно, похожа, – вытирая руки полотенцем, из помещения, где слышался звон посуды, выплыла женщина с приятным лицом и аппетитными формами. – Откуда, милая? Неужто с Земли?

Я застыла, открыв от неожиданности рот. Местные жители знали о существовании землян! И даже были знакомы с некой Аней, которую называют «нашей»!

– Да, я с Земли! – я буквально кинулась к ним. Никаких презрительных взглядов и шепотков за веерами. – Я только сейчас оттуда!

– Иди к нам, родная, – улыбчивая румяная женщина, которую рыжая назвала Волюшкой, приглашающе протянула мне пухлую ладошку. – А вы, сойки болтливые, кыш–кыш отсюда!

Она так выразительно махнула полотенцем, будто на самом деле разгоняла птиц.

– Кто они? – я обернулась на девиц, презрительно поджавших губы.

– Никто, – ответила мне рыжая – высокая, как жердь, и такая же, как жердь, худая – рядом с ней я чувствовала себя сестричкой–невеличкой.

– Пока никто, – поправила ее Волюшка. – Но одна из них может сделаться королевой. Сестра Его Величества старается, сгоняет к нам невест отовсюду. Мол, негоже королю холостяком жить, пора озаботиться наследником. Вот и в тебе они узрели очередную конкурентку. Начнут теперь пакости творить, чтобы выжить из дворца.

– Я и сама буду рада убраться отсюда, меня не нужно выживать! – горячо поддержала я идею королевских невест.

– Это уж как получится. А ну как не в дверь выпроводят, а в окно? Змеюки же, – Волюшка потянула меня в недра своих владений.

Я посмотрела вслед удаляющимся невестам с большим интересом. Неужели эти девицы и есть та причина, по которой Конд Корви предпочел замерзнуть на скамейке? Я бы тоже сбежала, если бы меня насильно выдавали замуж.

– Не пугай девочку, – рыжеволосая остановила слугу, вынесшего из кухни следующее блюдо. Внимательно осмотрела поднос и лишь потом кивнула, разрешая идти дальше. – Мы с Волюшкой землянкам всегда рады. Вы без ненужной чопорности. И на помощь придем, если сильно прижмет. Запомни.

Я кивнула.

– А болтливые сойки уже надоели, – Волюшка воинственно, словно хлыстом, стегнула воздух полотенцем. – Скажи, Шаманта? Все едут и едут!

– А едят сколько? Не напасешься, – Шаманта толкнула двери, которые легко разошлись. Из короткого, но широкого коридора мы попали в огромное помещение, полнившееся звуками, запахами и облаками пара, исходящими от кипящих котлов.

– А склоки какие устраивают? Все слуги уже воют, – поддакнула Волюшка, кивая мне на треногий табурет, стоящий у длинного стола. За ним несколько кухарок споро заполняли подносы, которые один за другим уносили мужчины в лифроях. – Садись, милая. В ногах правды нет.

– У вас ужин? – спросила я, с любопытством наблюдая, как слаженно работает кухонный механизм.

– Никак проголодалась? – живо откликнулась Волюшка.

– Есть такое.

Мне тут же пододвинули тарелку, на которой плевался жиром добрый кусок мяса на косточке, политый чем-то

красным. Рядом шмякнули ломоть хлеба.

– С зимней ягодой, – пояснила повариха. – Немного кислит, но вкус такой – пальчики оближешь. Ешь руками.

Я с сомнением посмотрела на свои руки.

– Мне бы умыться и раздеться, – я сунула в карман шапку, которую, оказывается, так и держала зажатой в кулаке. – Здесь у вас жарко.

– А тебе разве покои еще не выделили? Всем невестам на третьем этаже по комнате предоставляют, – Волюшка с Шамантой переглянулись.

– Так я не невеста. Я сюда случайно попала, – об обстоятельствах, кинувших меня в чужой мир, я решила не распространяться. Вдруг немощь короля держат в секрете?

– То–то я недоумеваю, – Шаманта вытащила из кармана фартука поварской чепец и прикрыла им свои яркие волосы. – Разгуливаешь одна, в теплой одежде, в мужских штанах и сапогах. У тебя хоть есть во что переодеться? Где ты оставила свои дорожные сундуки?

– Нет никаких сундуков. Я как–то не собиралась здесь надолго задержаться. У меня даже зубной щетки с собой нет.

Женщины опять переглянулись.

– Ее к леди Розмари отвести надо, – Волюшка, кинув полотенце на край стола, дернула за завязки фартука. Оправила складки на платье, собираясь предстать перед таинственной леди в должном виде.

– Правильно, пусть сама решает, что с девочкой делать, –

со значением кивнула подруге Шаманта.

Я поднялась, понимая, что поесть мне не удастся. Стоило признаться, что я не невеста, как меня перестали обхаживать. Насторожились. Отсюда и переглядывания.

Волюшка взяла меня под локоток, желая увести, но уловила, как я оглянулась на аппетитное мясо.

– Потом поешь. Сначала тебя сведущему человеку показать надо. А то после ужина все разбегутся, и придется ночь коротать на топчане у котлов. Леди Розмари не живет во дворце.

Сон на кухне меня не прельщал, поэтому я подавила разыгравшийся аппетит.

Как–то сегодня все странно складывается. Лоури обо мне забыл, болтливые сойки и дворцовые поварихи сначала приняли за соискательницу руки короля, поманили куском мяса, но тут же отняли, усомнившись в моем праве пребывать на территории дворца.

Беспокойство ледяной ладонью сжало мне сердце. А вдруг Розмари не сочтет меня достойной временной жилплощади и погонит прочь? Лучше уж на топчане переночевать.

– Не надо вести меня к Розмари, – я вцепилась в рукав Шаманты, старательно отводящей глаза. Она уже жалела, что привела незнакомую девицу на кухню. – Не хочу лишний раз беспокоить сведущего человека. Ни к чему вся эта суета. Если судьбе будет угодно, – под «судьбой» я, конечно же, подразумевала Конда Корви, – то завтра меня здесь не будет.

А если придется задержаться, то Лоури – личный слуга Его Величества, – я специально сделала акцент на слове «личный», – позаботится обо мне. Я так думаю, – добавила уже без прежней уверенности.

Глава 3

Упоминание Лоури возымело действие. Стоило произнести имя слуги, как бывшее радушие вернулось.

– Ах, так ты здесь по протекции лорда Лоури? Что же сразу не сказала? А мы уж подумали, что к нам бродяжка затесалась. Мало ли кого во дворец заносит? За всеми не уследишь.

Меня вернули к столу и придвинули тарелку.

Я опять взглянула на свои руки, но уже побоялась напомнить, что они грязные. Лучше уж попросить вилку и нож. Но по знаку Шаманты передо мной выросла девочка, принесшая фарфоровую чашу с водой.

– Для омовения, – произнесла служанка писклявым голосом.

Быстро, пока не передумали и не погнали из кухни, я стянула с себя куртку, бросила ее на табурет и тут же придавила попой – чтобы не унесли. Ищи потом. Все мое должно быть со мной. И так без рюкзака осталась.

Сунув руки в теплую воду, пахнущую уксусом, я тщательно вымыла их. Вода сделалась серой.

– А ну занялись работой! Чего уставились? – прикрикнула Шаманта на кухарок.

А я и не заметила, какой вызывала интерес. Должно быть, дворцовая прислуга никогда не видела девушку, одетую так

нелепо – в джинсы и грубые сапоги. Сейчас я сама себя чувствовала охотником, собравшимся на болото пострелять дичь. Свитер тоже был под цвет куртки и сапог – модный в этом сезоне хаки.

Я доедала пирог, когда на кухне вдруг воцарилась мертвая тишина. Медленно обернулась, понимая, что за моей спиной стоит тот, кто подействовал на кухарок, словно удав на обезьян. В дверной проеме высился лорд Лоури и буравил меня нечитаемым взглядом. Я сползла с высокого табурета и присела в таком же поклоне, как и все присутствующие. Вот он, оказывается, какой грозный. А я думала слуга и слуга. Пусть и личный.

– Как быстро землянки находят хлебные места, – произнес лорд Лоури, кивая побледневшей Шаманте. – Поразительная способность приспособливаться.

– Простите, Ваша Светлость, мы приветили ее, поскольку леди упомянула о вас, как о своем покровителе.

– Так и есть, – ответил он, а я с облегчением выдохнула. – Паулина, следуйте за мной, – произнес лорд Лоури, разворачиваясь к выходу.

Спешно дожевывая пирог (хорошо, что не пришлось говорить с полным ртом), я схватила куртку и понеслась за лордом. В дверях меня поймала за руку Волюшка.

– Мы всегда поможем, – шепнула она. – Помни.

Я улыбнулась в ответ и устремилась за «покровителем». На душе было тепло от осознания, что обо мне не забыли, и

не придется ночевать у котлов.

Вопреки ожиданию, меня не повели на третий этаж, где обосновались все местные девицы. Я тихо порадовалась: пусть невесты будут сами по себе, а я сама по себе. Мысленно представила, как у них перекосятся лица, когда они узнают, что мои покои располагаются недалеко от королевских. Какая честь для спасительницы нации!

Бежавший впереди нас слуга споро зажег огни в масляных лампах и, удаляясь, закрыл за собой двери. Только сейчас, когда мы осталась с Лоури наедине, я позволила себе поинтересоваться состоянием здоровья короля.

– Он по прежнему плох, – сдержанно ответил седовласый лорд. Я вгляделась в его лицо и заметила тени, залегшие под глазами. Переживает, но вида не показывает. – Надеюсь, вы не рассказали прислуге о случившемся с Его Величеством?

– Я была нема, как могила, – заверила я и смутилась от того, что выдала слишком уже неподходящее сравнение.

– Спасибо, – кивнул Лоури, предлагая мне сесть на диван. Сам же в прежней манере занял стул, поднесенный ближе.

Я осмотрелась. Покои оказались небольшими и делились легкой складной перегородкой на две части. Гостиная с минимальным набором мебели и крохотная спальня. Из-за расшитой шелком ширмы виднелись комод, узкий столик с зеркалом и край кровати. Отапливалось помещение не камином, а чем-то вроде контрамарки. Такую я видела в старом бабушкином доме. Жерло, куда кидали дрова, находилось в

соседнем помещении, поэтому в моей комнатке не предусматривалось место для хранения дров. Это было хорошо: чисто и слуга–истопник не потревожит своим присутствием. Я не собиралась задерживаться и завязывать ненужные связи.

Пряча зевок, я прикрыла рот ладонью. Хотелось уже лечь. Где–то в мозгу теплилась тайная надежда, что, открыв утром глаза, я пойму, что видела сон.

– Располагайтесь, – правильно понял мой зевок Лоури. – Нет ничего такого, что нельзя было бы обсудить утром. Сегодня обходитесь сами, а завтра я пришлю к вам слугу. Он будет в полном вашем распоряжении.

– Он? Слуга, а не служанка? Раз уж мне придется задержаться, хотелось бы решить некоторые женские проблемы, начиная от гигиены тела, кончая сменной одеждой.

– Вы можете говорить с Дантом на любые темы. К сожалению, во дворце наплыв гостей, и имеющиеся в наличие служанки обслуживают сразу две, а то и три невесты. Вы уже, наверное, наслышаны о невестах Его Величества?

– Да уж, – я поморщилась, вспомнив болтливых соек и их презрительные взгляды, – даже довелось лицезреть.

– Не хотелось бы в такое время привлекать к службе необученных людей. Король не одобряет инициативу леди Адель, но вынужден смириться. Не хочет обижать сестру. Они вместе многое пережили, поэтому берегут друг друга. Возможно, надежды леди Адель оправдаются, и одна из

невест похитит сердце ее брата.

– Пусть вас не обидят мои слова, но я рада, что не увижу развязку этой комедии. Его Величество пойдет на поправку и отправит меня домой.

Стул под лордом Лоуре натужно скрипнул. Слишком тонкие ножки для такого большого мужчины. Но мне в ерзанье личного слуги короля почудилось иное: тщательно скрываемые неловкость и досада.

– Что? Говорите прямо, – я отбросила подушку, которую мяла в руках.

– Я открою вам государственный секрет.

Я напряглась: не сделает ли этот государственный секрет меня невыездной? Ладонью стерла выступившую на лбу испарину. Как чувствовала, что вскроется некое существенное «но», что станет препятствием для обретения свободы.

– Да говорите же, – пауза показалась бесконечной.

– Его Величество лишился магического дара, – тихо произнес Лоури и воззрился на меня, ожидая реакции.

– И как это все относится ко мне? – я не понимала.

– Даже если король поднимется, он не сможет открыть двери в ваш мир. Порталы дворца больше ему не подчиняются.

Я сглотнула. «Даже если поднимется» – звучало зловеще. Так, словно сам Лоури не верил в выздоровление патрона.

– Его дар ушел безвозвратно? – конечно, жаль парня, но меня волновала прежде всего моя судьба. Я не знала возмож-

ностей здешней медицины, поэтому желала услышать худший вариант, чтобы понять, что меня ждет.

– Мы не знаем. Подобное с Кондом случилось впервые. Кто-то на Земле насильно лишил его магии. Варварским способом. Ее просто выдрали. Отсюда кровь из ушей и носа, спутанность сознания и боль, которую вы странным образом ощутили.

– Неужели нет никакого выхода? – я поднялась с дивана и принялась вышагивать до ширмы и обратно. Когда я нервничаю, мне всегда хочется физически погасить бушующую во мне энергию. – Не понимаю, как можно быть такими беспечными? Как вы могли допустить, чтобы единственный человек, владеющий тайной, шлялся неизвестно где и подвергал себя опасности? Где была королевская охрана, когда на него напали? Почему, в конце концов, бездельничали вы, личный слуга? Это все равно, что иметь единственный ключ от важного сейфа и надеяться, что он никогда не потеряется. Неужели вы не озаботились запасным ключом?

– Именно поэтому леди Адель настаивала на обзаведении потомством. Ребенок должен был стать тем самым ключом.

– Боже! Как же вы все оказались неразумны! Да я бы на вашем месте силой заставила короля наплодить кучу детей! Потерять дар и не иметь запасного варианта!

– Не кипятитесь так, леди Паулина. Мы не настолько глупы. Существует еще один Корви, что способен справиться с таким артефактом, как наш дворец.

– Кто второй? – я остановила свой бег.

– Леди Адель. Я уже послал гонца к ней.

– Как быстро она явится на ваш зов?

– Королевство Хантколь находится в недельном пути от Самаальда. И то, если не останавливаться на пути из столицы в столицу на постоянных дворах.

– Неделя для гонца, минимум неделя для леди Адель...

– я подняла глаза на Лоури. – Я, что, застряла здесь на полмесяца?!

Личный слуга Его Величества виновато выдохнул и поднялся с места.

– Располагайтесь как у себя дома, – произнес он и спешно ретировался, оставив меня в состоянии ступора. Родители меня убьют!

Я пошвыряла на пол все подушки. Не удовлетворившись диваном, направилась за ширму и там разметала постель. Дотягиваясь до последней атласной подушечки, разразилась рыданиями. Истерика следовала за истерикой. Я скручивала покрывало и простыни жгутом, я терзала их руками, желая разорвать в клочья, но ткань оказалась слишком хороша, чтобы поддаться мне. Я просто не нашла ничего тяжелого, чтобы разбить окна. А стулья, несмотря на изящество ножек, оказались для меня неподъемными. Ширма от пинка сложилась и с грохотом упала на пол. Зеркала оказались так прочно вделанными в стену, что я не смогла их выдрать. Я за себя не отвечала. Я была зверем. Я была вандалом. Пусть

завтра будет стыдно за сотворенное, но сегодня мне было все равно. Я хотела убивать.

Пребывая в истерике, женщина отключает разум. И выхлещивает силы. Кончились они и у меня. Я свернулась калачиком на полу, жалея себя и своих родителей, которые сойдут с ума, если завтра их младшая дочь не появится дома. Папа перевернет весь город. И не найдя, так же, как я, разгромит свой кабинет.

Я словно наяву видела выпучившую глаза консьержку, которая торопливо произносит фразу, что добьет моих родителей:

«Я так и знала, что он сексуальный маньяк! Заманил девочку и увез в неизвестном направлении. Поэтому и требовал, чтобы она отвела его в гараж!»

Всхлипывая, я погрузилась в сон.

Проснулась от свиста.

– Ха! – надо мной стоял юноша в ливрее и с восторгом в глазах оглядывал учиненное мной безобразие. – Кто-то отвел душу?

Я села и потерла ладонями лицо.

– Ты кто?

– Дант, ваш личный слуга, леди, – он опустился на корточки, чтобы я смогла рассмотреть его. Невинные голубые глаза, светлые, почти белые волосы, правильные черты лица. Симпатичный, юный, доброжелательный. Он прямо-таки светился добротой, которой мог окутать весь мир.

– Где здесь туалет? – меня хотели смутить, подсунув мужчине вместо служанки? Ну что ж, посмотрим, кто вззоет быстрее.

Мне протянули руку, и я ухватилась за нее. Чувствовала себя разбитой колодой.

Я поднялась и похромала в указанном направлении – куда-то за кровать. Посмотрев вниз, поняла, что мешает идти ровно – я потеряла сапог. Видимо, улетел, когда пинала ширму: та валялась на полу, странным образом похожая на подстреленного лебедя, который изломанно раскинул крылья.

– Я не буду извиняться, не дождетесь, – пробубнила я, закрывая перед носом слуги дверь.

Он ответил широкой улыбкой.

Дверь в туалетную комнату оказалась спрятанной за гобеленом, и вчера я ни за что не нашла бы ее. Мысленно поставила себе плюсик – за одно это упущение Лоури можно было разгромить покои, а потом сослаться на то, что я не могла найти туалет.

Когда я села на стул с дыркой, на моих глазах выступили слезы. Пережив момент недолгого счастья, я поднялась и воззрилась на свое отражение в зеркале, висящем над тумбой. Всклоченные волосы, бледное помятое лицо, растекшаяся тушь. Жуть.

Кувшин с водой и стеклянная чаша намекали на то, как можно быстро привести себя в божеский вид. Увидев в стакане самую настоящую зубную щетку, я вцепилась в нее.

– Мне бы принять ванну, – я появилась перед ждущим меня слугой, вытирая лицо. Второй сапог я скинула, пока сидела на горшке – надоело ходить хромой уткой. Кольцо–переводчик, которое чудом ночью не потеряла, надела на золотую цепочку с бриллиантовой слезой – подарок родителей на двадцатилетие. Какая разница, как оно будет соприкасаться с моей кожей – на пальце или на груди, все равно работает. Дант прекрасно меня понял.

Он дождался, когда я протяну полотенце, и нырнул за gobелен, где грохнул крышкой горшка, когда слил в него воду из умывальной чаши. Как ни в чем ни бывало, прошествовал с ночной вазой мимо меня, чтобы выставить ее за дверь.

Я же оглядела комнату, которая вновь обрела жилой вид. Шустрый малый.

– Сожалею, что вам не выделили лучшие покои, но на этом этаже личная ванна только у короля, – Дант опять улыбался, и я, как дура, замороженно смотрела на его губы. – Зато вы здесь в безопасности.

– Я так понимаю, искупаться мне не скоро удастся? Дворец переполнен невестами, и к горячей воде не пробиться?

– Почему же? У них на этаже своя мыльня. Вам же могу предложить нижние купальни. Я отведу вас туда после завтрака.

В дверь постучали. Дант взял у слуги поднос, коротко с ним переговорил и вернулся к столу, возле которого я в нетерпении гарцевала. Есть хотелось неимоверно.

Разложив тарелки и отодвинув стул, юноша жестом пригласил занять его.

– Мне бы еще переодеться, – я оттопырила ворот свитера. – Здесь хорошо топят.

– Одежду скоро принесут. Я выбрал ее на свой вкус. Как обживетесь, закажете ее по собственному усмотрению.

– Когда же вы...

– Ко мне можно обращаться на ты. Я слуга.

– Когда же ты успел?

Дант определенно был младше меня. На вид лет шестнадцати–семнадцати, и я посчитала возможным принять его предложение и перейти на «ты».

– Простите? – он поднял на меня невозможно голубые глаза.

– Мы познакомились только что. Откуда ты знал, как я выгляжу и какой размер одежды мне подойдет?

Светлокожие всегда мило краснеют. Мне же нужно нащипать щеки, чтобы хоть сколько–нибудь выглядеть румяной.

– Я заходил к вам с вечера, чтобы представиться. Но вы уже спали.

Я выдала нечто вроде длинного стога. Жесть. Я валялась на полу, и в таком виде меня застал милый мальчик.

– Вы хрупкая. Нежная, – он, опустив глаза, продолжал заливаться краской. – Вам подойдут пастельные тона и летящий крой.

– Ты художник? – я посмотрела на его длинные пальцы.

Отчего—то была уверена, что Дант не обделен даром рисования.

— Есть немного. Я всегда помогал матушке выбирать наряды. Иногда делал наброски платьев. Она хвалила.

— Кто твоя матушка? — я оглядела принесенные яства: масло со слезой, подогретый хлеб, паштет, сыр, молоко в кувшине, пара яиц — все такое знакомое, земное, что я невольно задержала дыхание.

— Она уже умерла.

— Прости, — я скривилась, ругая себя за излишнее любопытство.

— Ничего, это было давно. Но зато вы знаете моего отца.

Я оторопела уставилась на мальчишку.

— Лорд Лоури?

Ну не стражники же. Я кроме короля только их видела.

Выходит, папочка Данта озаботился, чтобы я круглосуточно была под присмотром. Хороший ход. Поставь он ко мне чужого человека, и могла всплыть история с ранением Его Величества. Пошли бы ненужные разговоры. Ко мне и так повышенное внимание. Опять—таки, я чужестранка, а нахожусь в самом сердце королевского двора. Мало ли что взбредет мне в голову? Тем более, я показала себя во всей красе, разгромив комнату. «Нежная и хрупкая». Смешно.

— Ну все, я готова идти в купальни, — я опустила пустую чашку на блюдце и приложила салфетку к губам. — Спасибо, было вкусно.

Дант поставил передо мной сапоги.

Когда я вышла за дверь, то обнаружила стоящую на полу объемную корзину, из которой выглядывали разномастные баночки. Как пить дать, жидкое мыло и местный шампунь. Мой личный слуга подхватил ее. Я же отметила, как быстро исполняются мои желания. Захотела купаться, вот тебе набор по уходу за телом.

– Мы так и пойдем через весь дворец? Я нелепая в своей одежде, ты с корзиной в руках, ясно указывающей на то, куда мы собрались, – я вышагивала по красивому ковру, выстилающему коридор от края до края, в грубых сапогах. Здесь бы в балетных тапочках порхать. – Тебя ничего не смущает? Может, еще спинку потрешь?

– Если вы беспокоитесь о вашей страной одежде, то вчера ее все видели, – парировал Дант, доказывая тем, что мое явление не прошло незамеченным. – Если вам неловко, что я мужчина, то перестаньте терзать себя по пустякам. Я уже знаю, как выглядит женское тело. Меня будет трудно удивить.

Однако.

Стража у дверей короля проводила меня долгим взглядом. Я знаю. Я обернулась.

Глава 4

Мне нравилось, как смущается Дант. Мне вообще было приятно смотреть на него. Он, убегая от моих вопросов, старался держаться на пару шагов впереди, но я видела, как у мальчика полыхают уши.

– Дант, признайся, на самом деле спинку потрешь? – подначивала я. – Или в последний момент спасуешь и позовешь какую–нибудь служанку?

– Я никому не доверяю. И вам не советую. Если не хотите вдруг обнаружить, что в безобидной мочалке спрятана бритва.

– Все так плохо? – я поравнялась с ним и убедилась, что мальчик абсолютно серьезен.

– Вас поселили отдельно от невест, и каждая из них, я уверен, гадает, отчего вам выпала такая честь. А когда в замке появится леди Адель, это еще больше взволнует людей.

– Ну да, – я поняла, на что он намекает. – Прибытие сестры, прячущийся от невест король, наличие девицы, живущей чуть ли не в государевых покоях – а не пахнет ли тут свадебным сговором?

– Вы превратитесь в мишень, – мальчик смотрел прямо, и от этого его слова приобретали вес. Будто Дант не строил предположения, а точно знал, что произойдет. – Никто не упустит шанса войти в семью Корви. Им захочется устранить

выскачку.

– И ты защитишь меня?

– Не обманывайтесь, видя перед собой ласкового котика.

Я хищник.

Я рассмеялась, но пунцовый румянец на щеках юноши заставил посерьезнеть. Он злился. И сильно.

– Скажи, меня осуждают?

– Вас осуждают. Но разве вам не все равно, что о вас думают? Вы здесь временно. Вернетесь в свой мир и очень скоро забудете о несчастном короле и его невестах.

– Очень хочу на это надеяться.

Вопреки ожиданиям, мы не пошли к лестнице, ведущей в холл. Дант толкнул одну из дверей по правой стороне, за которой открылась винтовая лестница, уходящая вниз.

– Минус первый этаж? – спросила я, оценивая длину спуска. Конец лестницы терялся в темноте.

– Да, – просто подтвердил юноша, снимая с крюка лампу. Оказавшись в его руках, она тут же разгорелась. Магия?

Я старалась не отставать. Честно говоря, было жутковато. Лестница под ногами сотрясалась, эхо разносило гул шагов, а на стенах плясали искаженные тени. В голове завозились параноидальные мысли: куда меня ведут? Рогувердцам от меня проще избавиться, чем вернуть на родину. Король болен, его сестра явится минимум через две недели, а я доставляю лишь беспокойство. Надо бы попридержать свой язык и не воспринимать проявленную заботу как должное.

– Скажи, а другого пути в купальню нет? Не такого мрачного?

– Есть, но вы же не захотели идти через залу, где на вас опять будут смотреть, как на сумасшедшую.

– Ах, вот, оказывается, как на меня смотрят! И ты тоже?

– Я видел вас настоящую: вы плакали во сне. У вас чистая душа. И я поклялся, что не дам вас в обиду. Можете рассчитывать на меня.

Так мило. Понимая, что мне, как бы я не храбрилась, все же неловко под взглядами расфуфыренных невест, Дант выбрал обходной путь. И клятвы его хоть и были излишне пылкими, заставляли верить, что я за надежной спиной. Пусть пока по юношески узкой.

– Из тебя вырастет настоящий мужчина. Я бы хотела иметь такого чуткого мужа.

– Я уже мужчина.

По голосу было заметно, что ему льстили мои слова. Я улыбнулась и сказала «прощай» параноику, жившему во мне.

Купальная, хоть и представляла собой помещение без единого окна, оказалась на удивление светлой. Как только мы вошли, по периметру небольшого бассейна разом зажглись все лампы. Но Дант повел меня не к нему, а к стоящему чуть поодаль огромному ушату. Над ним вился пар.

– Я попросил нагреть для вас воды. Когда в лохани остынет, я буду добавлять, – он кивнул на стоящие у скамьи вед-

ра. – Раздевайтесь.

– Как? Совсем?

Он явно не намеревался уходить.

– Если вы собираетесь купаться в одежде, то я примкну к голосам людей, считающих вас сумасшедшей, – он откупорил одну из баночек и тонкой струйкой вылил в воду пахучую жидкость. Закатав рукав, побултыхал в ушате пятерней, породив тем самым высокую пену.

– Хотя бы отвернись, – произнесла я, садясь на скамью и стаскивая сапоги. Дант выполнил мою просьбу, занявшись изучением содержимого корзины. Он извлек оттуда полотенце и, не оглядываясь, протянул мне. Я быстро скинула свитер и штаны, расстегнула лифчик и, завернувшись в довольно большое полотенце, стащила трусики. Стесняясь, смяла их в комок и сунула в карман джинсов. Погрузившись в пену по самую шею, в блаженстве закрыла глаза. Вздрогнула, когда рядом раздался голос Данта.

– Это для мытья головы, – он протянул высокую склянку, принуждая меня взять ее в руки.

– Спасибо, – я откупорила флакон и понюхала содержимое. – Приятно пахнет.

– Настой на травах, – пояснил он, закатывая второй рукав «униформы». В такой ходили все слуги во дворце: рубашка, а поверх нее длинный, до колен, жилет. Простая, но добротная ткань. На ногах туфли с пряжками и высокие носки, в которые заправлялись штаны.

– Ты собираешься мыть мне голову? – удивилась я.

– И потереть спину, – он показал мочало.

– Не надо. Я сама.

– Леди сами ничего не делают. Для этого у них и есть служанки.

– Я не леди, а ты не служанка, – я потянулась и отняла у него мочало. – Кстати, ты сын лорда, но почему–то не одеваешься сообразно своего статуса. Зачем весь этот спектакль?

– Выносить горшки в бархате и шелке? – Дант улыбнулся, но улыбка его была грустной. – Здесь я только слуга. Никто во дворце не знает, что лорд Лоури мой отец.

– Почему вы скрываете ваше родство?

– Я бастард. У лорда Лоури есть настоящий наследник. Я признался только потому, чтобы вы знали – я в ответе за вашу жизнь перед отцом и королем.

– Я сохраню твой секрет.

– Как и я ваш.

– Какой же?

– Вы избранная.

– Боже, это еще что такое? – я подняла на него глаза.

– Вы слышали боль короля, а мама всегда говорила, чувствующие чужую боль – избранные. Об этом мало кто помнит, избранных почти не осталось.

– Поясни–ка подробнее, что значит «избранные»? Куда их избирают?

– В жены. Или в мужья. И никогда с ними не расстаются.

Это подарок судьбы.

– Черт. Не шути так. Иначе мне придется молиться о смерти короля.

– Отчего же? – он был удивлен. Даже шокирован. Кто добровольно отказывается от удачи? – Наш король умен и красив. Вы же видели, сколько желающих разделить с ним брачное ложе?

– Не сравнивай меня с королевскими невестами. Там в первую очередь корысть. А я выйду замуж по любви. И никому не позволю задержать меня здесь только потому, что я заметила, как страдает ваш король. Здесь нет никаких тайн и нет никаких избранных, не выдумывай. Просто совпадение, – я поставила бутылочку с «шампунем» на край лохани, зажала нос и, набрав в легкие воздуха, ушла под воду. Не хотела вступать в спор.

Пока я купалась, на скамейке появилась новая одежда, мою же куда-то унесли.

– Ее выстирают и вернут, – успокоил меня Дант, когда я расстроилась отсутствием лифчика. Взамен ничего другого не дали.

Я успела представить глаза консьержки, когда я вернусь в свой мир в бархатном халате в пол и расшитых жемчугом тапочках без задника – именно в это меня облачили после купания.

Единственное, что я разрешила своему слуге – расчесать мне волосы. Он сам вызвался. Сказал, так будет быстрее.

Хоть настой на травах и сделал их шелковистыми, местный гребень оказался тяжелым и неудобным. Я едва не вывихнула запястье.

Удивительно дело, но стоило Данту несколько раз провести расческой по моей шевелюре, как волосы полностью высохли. На восхищенный возглас он лишь пожал плечами.

– Признавайся, ты волшебник?

– Мне передан дар мамин дар стихийника. Но волосы высушил не я. Гребень.

– Понятно, – протянула я, хотя ничего не поняла. – А твой отец каким даром владеет?

– К сожалению, магия достается не всякому, – уклончиво ответил Дант. – Но всегда можно обойтись амулетом, – он повертел гребнем, чтобы я поняла, о каких амулетах идет речь. – Они продаются. Подороже или подешевле, в зависимости от вложенной в них силы. Например, перстень, что висит у вас на шее, стоит баснословных денег.

Я опомнилась и поплотнее запахнула халат, пряча под ним цепочку с кольцом.

– Мне дал его король, – поторопилась оправдаться я.

– Я знаю. Отец упомянул, что Его Величество передал вам свой Язык.

Я вытаращила глаза, а Дант рассмеялся.

– Король брал с собой этот перстень, когда уходил в другие миры. Удобно. Не надо учить местные языки. Но если вам случится остаться здесь, придется на самом деле освоить

рогувердский. Таково правило.

– Мне не случится остаться здесь, – я отмела саму мысль о подобном исходе. – Меня ждут родители и старшая сестра. И мои племянники, их у сестры трое. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы попасть домой.

– Я понимаю. Но неужели вас не обольщает сделаться королевой? У избранных шансы высоки...

– Я не избранная. Ты ошибся. И не заикайся об этом.

Назад мы вернулись тем же путем. Еще более неприлично было бы разгуливать по дворцу в халате и без нижнего белья под ним.

В покоях меня ждал сюрприз – служанки, стреляя глазами, вкатили вешалку, на которой висело несколько платьев. На стол выложили высокую стопку батистового белья.

– Тут же одни юбки и рубашки, – я с досадой перелопатила всю кучу. – Где нижнее белье?

– В нашем мире нет такого понятия как нижнее белье.

– Но как же?! А панталоны и корсеты?

– Панталоны носят только мужчины. Корсеты вовсе не предусмотрены. Наши женщины даже не знают, что это такое.

– Как?

– Так. Нательная рубашка, юбка или две, потом верхняя одежда. Чулки, если холодно.

– Угу. Все должно проветриваться, – я с досадой швырнула расшитую лентами ночнушку на спинку стула. – Пусть

только попробуют не вернуть мои лифчик и трусики.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Как же быстро краснеют белокожие!

– Все ты прекрасно понимаешь. Не мог не видеть, когда передавал вещи в стирку. А если прачки угробят еще и мой свитер, то тебе выпадет узнать, какой я могу быть в ярости.

Настроение было окончательно испорчено. Я сложила руки на груди и отвернулась к окну. Специально игнорировала платья, которые Дант выбирал для меня. Знала, что он ждет оценки, но вредничала.

Мальчик молча закатил вешалку за ширму.

– Ужин принесут сюда, – произнес он и направился к двери. У порога Дант обернулся и намеренно медленно поклонился. – Не советую покидать покои.

Я обидела его. И теперь винила себя за несдержанность. Не мне диктовать правила в чужом мире. И нет вины Данта в том, что здесь женщины обходятся без нижнего белья.

– Блин, а как же они решают проблемы в критические дни?

И ведь не спросишь у мальчика, позиционирующего себя как мужчину. Неловко.

Ему со мной было тяжело, я это видела.

Мучимая терзаниями, от ужина я отказалась. Глубоко в душе надеялась, что Дант придет поинтересоваться причиной голодовки. Но он не появился ни до, ни после.

Ближе к ночи в дверь постучался лорд Лоури.

– Король желает поговорить с вами.

Я метнулась за ширму, поскольку так и ходила в халате и с распущенными волосами.

– Вы не подскажите, куда подевался мой слуга? – я перебирала наряды, не зная, какой больше подойдет к случаю. Мне нужна была помощь Данта.

– Он хлопочет, чтобы вам выделили служанку.

Я содрогнулась так, словно мне только что отвесили пощечину. Я довела мальчишку. И теперь меня укоряли за мое поведение.

– Хорошо, – выдавила я из себя, хотя все во мне кричало: «Не надо служанку, верните Данта, я перестану капризничать и буду вести себя прилично». Намаевшись в одиночестве, я поняла, какого потеряла собеседника.

Я уже имела опыт общения со слугами. В доме родителей служила экономка – так мама называла женщину, которая помогала ей по хозяйству. Готовить мама любила сама, да и отец не стал бы есть блюда, сделанные чужими руками. Виктория Леонидовна работала у нас больше десяти лет и помнила меня еще школьницей. Хотя она и сделалась для нас своей, родной все же не стала. Как папа говорил, прислугу нужно держать на расстоянии, не допускать панибратства. Помимо экономки в «поместье» служили две сменные уборщицы и садовник. Он отвечал за все приусадебное хозяйство и чистку бассейна. Отца обслуживал офисный водитель, к дому же был приставлен другой. Он возил экономку

за продуктами, а маму по личным делам. Валера был молод, улыбочив и ближе всех подходил мне по возрасту, всего—то года на три старше. Мы перешучивались, иногда поддевали друг друга и общались на ты. Но он всегда знал свои рамки.

Среди подруг я считалась избалованной девочкой. Из всего курса у меня одной была собственная квартира, куда раз в неделю наведывалась уборщица, а Валера привозил наготовленные мамой обеды. Это в том случае, если обстоятельства не позволяли навеститься к родителям в выходные. Представляю, как мама кусает локти, что позволила мне остаться, а не уехать с Валерой сразу после посиделок в кафе. Утром водителя отсылали по каким—то неотложным делам, поэтому я заверила, что спокойно доберусь на автобусе.

И ни с одним служащим у родителей человеком я не сблизилась настолько быстро, как с Дантом. Я не видела его всего полдня, а у меня уже изболелась душа. Я терзалась муками совести и не находила ответа, с чего бы такие страдания.

– Вы скоро?

Я моргнула. Занятая мысленными рассуждениями, не заметила, что замерла с протянутой к вешалке рукой.

– Да, почти все, – соврала я.

С трудом разобравшись, в какой последовательности напяливать на себя одежду, я собрала волосы в пышный пучок. Шпильки нашла в шкатулке на туалетном столике. В зеркале оценила, насколько ладно село платье.

– Передайте Данту, если встретите, что я благодарна ему

за наряды. Они прекрасны.

То платье, что я выбрала для визита – приглушенного голубого цвета, такого свойственного зимнему пейзажу за окном, невероятно меня освежало. Я чувствовала руку Данта. Его вкус. Сейчас мне совсем не требовалась косметика. Просто удивительно, как быстро он разобрался, что небесный цвет оттенит и сделает ярче глаза и темные волосы. Я нравилась самой себе.

Странно, я собиралась к королю, от которого зависела моя судьба, а думала о незаконнорожденном сыне лорда Лоури.

Когда появилась из-за ширмы, лорд критически осмотрел меня. Я покачивалась на невысоких каблучках, пытаюсь привыкнуть к новой обуви. Эти туфли тоже оказались без задника. Видимо, таким простым способом Дант решил вопрос с размером.

Ну вот, я опять думаю о нем. И ругаю себя за бестактность, несдержанность и заносчивость. Я дура.

У знакомой двери стража бряцнула железом оружия и доспехов и расступилась, пропуская нас в святая святых.

Меня провели через ряд темных комнат в спальню, тоже освещенную весьма скудно. На огромной кровати лежал мужчина, но не он привлек мое внимание, а стоящий у окна Дант. Он слышал, как мы вошли в комнату, но не повернулся. Я, узнав его, воодушевилась. У меня даже повлажнели ладони, так хотелось, чтобы он посмотрел на меня и оценил выбранное платье, но нет. Дант так и продолжал глазеть в

темноту за окном. Его невнимание подействовало на меня. Я сникла.

Лорд Лоури, положив ладонь на лопатки и легко подтолкнув, напомнил мне, ради кого мы пришли сюда. Я, несколько не робея, потому как была занята личными переживаниями, подошла к постели больного.

Король смотрел на меня, но неяркий свет лишь усугублял его нездоровый вид – глаза из-за легших на них теней, словно находились в провалах. Заострившийся нос, сухие губы.

Я присела в приветственном поклоне.

– Ваше Величество.

– Подойди ближе, – прошелестел его голос.

Я сделала шаг вперед. Он раскрыл ладонь, лежащую на простыне.

– Дай свою руку.

Жалость скрутила мое сердце. Со вчерашней ночи прошло всего ничего, а передо мной лежал не красивый мужчина, а его видимость.

Глава 5

Я пребывала в замешательстве. Неужели лишь магия поддерживала молодое тело короля, а стоило ее лишиться, как начались изменения не в лучшую сторону. Сколько ему на самом деле лет? Лорд Лоури упоминал, что двадцать два, но я видела перед собой мужчину гораздо старше. Я не узнавала его. Те же темные кудри, тот же прямой нос и открытый лоб. Длинные ресницы, заметные даже в сумраке комнаты, четкая линия скул, но... Красота ушла. Жизнь тоже не желала задерживаться – это чувствовалось по лихорадочному блеску глаз, по обветренным губам.

Вытерев руку о платье – неловко было за влажную ладонь, я вложила ее в мужскую. Пальцы Его Величества слегка сжались. словно подбадривали меня.

– Что ты чувствуешь? – спросил король.

– Скорбь, – произнесла я. – Вы сильно изменились, Ваше Величество, и мне страшно за вас.

– А еще? – его ладонь была холодна, и я не хотела признаваться, что соприкосновение с ней мне неприятно. – Ты по-прежнему чувствуешь мою боль?

Я покачала головой.

– Я хотела бы, но нет. Простите.

– Тебе разве неизвестно об избранных? – змеем–искусителем зашептал у уха лорд Лоури. Ему пришлось наклонить-

ся, чтобы донести до меня свои слова. Его дыхание неприятно трогало волосы, выбившиеся из прически. – Тебе достаточно сказать «да», чтобы стать королевой. Я не знаю никого, кто не воспользовался бы этой удачей.

– Вам нужно менять окружение, – отрезала я и воззрилась на Данта, который продолжал стоять ко мне спиной. Будто все происходящее его не касалось.

– Видишь? – обратилась я к нему, добавив в голос иронии. Мне хотелось задеть его, заставить посмотреть на меня. – Его Величеству плохо. Хуже, чем тогда, на скамейке. Но я не чувствую его боли. Ты ошибся.

– А может, ты говоришь так, поскольку надеешься вернуться домой? – Дант изволил повернуться.

Его глаза сверкали гневом, а брови собрались в одну линию – висящая рядом лампа хорошо освещала его лицо. Я все-таки достала его.

– Я. Не. Чувствую. Боли, – я вынуждена была подчеркнуть главное.

– А если я скажу, что ты никогда отсюда не выберешься, ты изменишь свое мнение? Ведь гораздо проще осваиваться в чужом мире будучи невестой правителя, чем на кухне, куда тебя отправят сразу после того, как ты перестанешь быть нужна. Благодарность короля не безгранична.

– Я могу сейчас туда уйти. Да, я привыкла жить в достатке и со слугами – в доме моих родителей они имелись, но вполне способна позаботиться о себе самостоятельно. Но даже

если бы я знала точно, что никогда не покину Рогуверд, то и тут не отдала бы свою руку по принуждению, – я набрала новую порцию воздуха. Они, оказывается, меня благодетельствовали! Горшок вынесли! Спинку потеряли! – И как уже не раз говорила, мне не нужна благодарность. Ни в каком из ее видов. Это был всего лишь акт милосердия. Ничего больше.

Я выдернула ладонь из крепко сжавшихся пальцев короля и неосознанно вновь вытерла ее о платье. Этот жест не скрылся от внимания Данта.

Я же ощерилась. Во мне дрожала каждая жилка, я чувствовала некую неправильность происходящего. Дисгармонию. Словно вновь увидела черного ворона среди райских птичек. Кто дал право бастарду, слуге, так дерзко выступать при короле? И отец не одернул его, не попытался даже взглядом поставить на место сына.

– Кто вы? – спросила я Данта, озаренная пониманием, что меня смущало. – И кто разыгрывает передо мной роль Его Величества? Он не тот, за кого себя выдает. Я это вижу. Я это... чувствую.

Лже–король закрыл глаза.

Данте же подошел ко мне и взял в свои ладони мои руки. Я не понимала, чего он хочет, попыталась освободиться, но меня поразило, как пристально слуга изучал мое лицо. Слишком внимательно. С нескрываемым волнением, словно ждал в нем отражения моих чувств.

– Скажи, что ты сейчас ощущаешь?

– Ничего, – нервно произнесла я и ахнула. Меня накрыло волной боли, тоски и... нежности. Той самой боли, которую я уже ощущала на заснеженной улице, но к ней примешались и иные чувства. Не мои чувства!

– Ваше Величество, не увлекайтесь, – отчего-то предостерег лорд Лоури, а я, наконец, смогла дышать.

– Это были вы?! – я облизала губы – рот мгновенно пересох, и слова выталкивались с трудом. – Вы были там, на скамейке? Это вас я тащила до лифта? Но как?! Как вы могли настолько измениться?!

– Магия, – ответил за короля лорд Лоури. Теперь я точно знала, кто в этой комнате король. – Мы использовали амулет подмены.

Он подошел к севшему и свесившему босые ноги «королю» и снял с него цепочку с подвеской: две совершенно одинаковые, отличающиеся лишь цветом металла, фигурки котов переплелись хвостами.

– Я не ласковый котик, я хищник, – произнесла я слова Данта, наблюдая, как меняется внешность лже-короля. Из темных его волосы неумолимо становились пепельными, лицу возвращался здоровый вид, а фигура обретала очертания гибкого мальчишки. Одежда более крупного человека повисла на нем мешком.

– Знакомься, Паулина, ЭТО мой сын Дант, – выдернул меня из ступора голос лорд Лоури.

Я обернулась на бывшего слугу. Передо мной стоял вто-

рой близнец.

– Я ничего не понимаю, – пробормотала я. Нет, чужой мир меня все–таки добьет.

– Я это он, а он – это я.

Объяснение помогло мало.

– Вы на самом деле так плохо выглядите? – я все еще помнила чуть ли не умирающего мужчину.

– Нет, не настолько, – второй Дант потянул с шеи точно такой же амулет парных котов. Я застыла с открытым ртом. Моему слуге пришлось расстегнуть жилет и рубашку, поскольку они сделались ему малы. Взрослому мужчине трудно поместиться в одежде вчерашнего подростка. Темные волосы упали на лицо, и крупная мужская ладонь уверенным движением откинула их назад. Зеленые глаза смеялись, наблюдая, как у меня перекашивается лицо.

Ему смешно, а я вспомнила горшок и купальню. Впервые в жизни я как следует покраснела. Я прямо чувствовала, как у меня горят щеки. Передо мной стоял тот самый красавец, что висел на мне, когда я, теряя шапку, тащила его на закорках.

– Вы... Вы... Да как вы смели?!

– Ну все. Узнаю тебя прежнюю, – мы поменялись местами. Теперь он мне тыкал, а я ему выкала. И веселился.

– И весь этот спектакль ради меня? Желали узнать меня поближе?

– Это представление для врага. Пусть думает, что попал в

цель. Король болен, король почти при смерти.

– А, так магия к вам вернулась! – у меня аж сердце зашлось. Неужели я скоро отправлюсь домой? – Или вы ее вообще не теряли?

– Увы, дар рода Корви утрачен. Я пробовал.

– Опять лжете? – меня уже просто так не провести. – Я видела, как вы колдовали! Например, зажигали лампы!

– Это от матери. Я уже говорил.

– Ах, да. Она была у вас ведьмой–стихийницей, – припомнила я.

– Это у меня мама была ведьмой, – возразил настоящий Дант. – А матушка Его величества являлась магом первой степени.

– Я ничего не понимаю.

– Тут не сложно, – пришел мне на помощь лорд Лоури. – Градация зависит от силы дара и учебного заведения, которое помогло раскрыть способности. Ведьма, например, относится низшей магической ступени, поскольку она самоучка. Высшая магия дана немногим. Управление сложными артефактами или полное изъятие дара, что и произошло с Его Величеством – удел единиц.

– Кто же вас так приложил? – вглядываясь в лицо короля, где нельзя было не заметить залегшие под глазами тени, я задала вопрос, ответ на который давно не давал покоя. – Кто отважился напасть на короля?

Его Величество лишь развел руками.

– Я не видел.

– Но вы явно кому–то назначили свидание! Ведь ждали же кого–то? Ждали? Весь ваш вид говорил, что вы тщательно готовились к встрече. Красивая одежда, гладко выбритое лицо.

– Да, ждал. Женщину, – король с интересом смотрел, как я кипячусь.

– Вот и потрясите ее за грудки. Она наверняка что–то знает, – почему–то слышать о наличие женщины, которой король назначил свидание, было не очень приятно. Я вроде как ревновала, правда не понимала, с чего вдруг.

– Не могу.

– Я же вам сказал, что дар открывать порталы Его Величеством утрачен, – вмешался в беседу лорд Лоури. – Мы закрыты в нашем мире.

– А я еще раз говорю, в нашем мире нет магии. Врага нужно искать здесь, – я поймала на себе внимательный взгляд короля и смутилась. – Кому–то вы сильно насолили. Что во все не удивительно.

– Я многим перешел дорогу. И слишком самонадеянно полагал, что выпроводил из Рогуверда всех врагов. Что ж. Теперь приходится разыгрывать спектакль. Надеюсь, к его финалу мы все останемся живы.

– Значит так, я знаю, что буду делать в ближайшие дни: продолжу ждать вашу сестру и мечтать, что она выпустит меня на волю до того, как враг разберется с вами, – я вслух на-

метила себе план. Нужны хоть какие-то ориентиры, чтобы не сойти с ума.

– А я продолжу изображать из себя полумертвого короля, – настоящий Дант забрал у отца свой амулет и вновь улегся в кровать.

– А я продолжу выносить горшки, – с улыбкой вздохнул король, надевая на шею второй магический артефакт.

– Не понимаю, зачем вам быть слугой? – боюсь, я никогда не привыкну к магическому воздействию. Странно и страшно было видеть, как меняется лицо короля, превращающегося в щуплого юношу. – Разве не проще наблюдать со стороны, не пачкая руки? Или выбрать более престижное занятие?

– Мы должны жить так, как жили: Дант – слуга, я, Конд Корви – король, – на меня вновь смотрели ярко-голубые глаза. – Никаких изменений, никаких новшеств. Слуга не может прохлаждаться без дела.

– Но я не верю, что Дант всю жизнь выносил горшки! – я развернулась к лорду. – Вы не могли пожелать такой судьбы своему сыну.

– Грязную работу тоже кто-то должен выполнять, – пробурчал Лоури, переглянувшись с королем.

– Я думаю, вы с самого начала готовили сына к ситуации, когда Его Величеству нужна будет подмена, – я выпалила свои подозрения. – И должность выбрали соответствующую: никто не обратит внимание на слугу. Он может быть везде и нигде. В нашей полиции это называется «работа под при-

крытием».

– Нам пришлось многое предусмотреть. Имели однажды нехороший опыт, – уклончиво ответил Лоури. – Я люблю своих мальчиков и выловлю любую тварь, что покусится на их жизнь.

– Вместе выловим, – подтвердил Конд.

Лежащий на кровати «король» только вздохнул.

– Я могу идти, Ваше Величество? – я присела в реверансе перед «служгой».

– Пусть все останется по прежнему, – еще раз напомнил король, вновь принимая прежнюю манеру общения со мной. – Вы – госпожа, я – слуга. Обращайтесь ко мне на ты, иначе вызовете подозрение у окружающих.

– Разве у меня не появится своя служанка? Лорд Лоури как-то упоминал об этом.

Я не верила, что Конд планирует остаться моим служгой. Зачем ему тереться рядом со мной? Неужели думает, что я как-то связана с напавшими на него? Наверняка нет, иначе он не признался бы мне в подмене слуги. Ничего не понимаю.

– А вам хочется иметь именно служанку? – глаза лже-служги смотрели насмешливо. Умеет ставить в неловкое положение. – Дант вас чем-то не устраивает?

– Боюсь влюбиться в смазливого мальчишку, – я тоже не промах передергивать карты.

«Король» на кровати рассмеялся.

– К–хм, я подумаю, – «слуга» вежливо, но величественно склонил голову.

– Ни слова о происходящем за этими дверями, – тихо напомнил мне лорд Лоури.

Я просто кивнула. Знала, чем рискую.

В свои покои я возвращалась одна. Мужчины остались «подумать».

Мне тоже следовало бы заняться собственными мыслями. Слишком много их накопилось. Рассортировать, разложить по полочкам, но... Потрясения последнего часа и пропущенный ужин давали о себе знать. Не дойдя до своей комнаты, я развернулась. Постояла у двери со стражниками, что буровили меня нечитаемыми взглядами: то ли молча расступятся и дозvoлят войти в покои короля, то ли вскинут острые пики и погонят прочь. Так и не решив, надо ли мне спрашивать разрешение, чтобы дойти до кухни, отправилась добывать пропитание самостоятельно. Я не усну голодной.

Вопреки ожиданиям, замок не спал. Это в королевском крыле царили тишь да уныние, что обычно является признаком наличия тяжело больного человека, а за его пределами жизнь продолжала бить ключом.

Смех, радуга ярких тканей, дивные прически, трепетание вееров и ресниц. Ладно бы невесты хороводились сами по себе, но их разбавлял нехилый такой отряд кавалеров. Волны игривого флирта едва не сбили меня с курса. В воздухе носились такие ароматы духов, что впору называть их афро-

дизиаками.

Мое появление однако не пропустили. То ли караулили, когда распахнутся двери и явится долгожданный король—солнце, то ли не могли не заметить мою неземную красоту. Одно дело увидеть «главную соперницу» в сапогах и дутой куртке, другое в красивом платье и с какой—никакой прической. Голодный блеск в глазах, наверное, довершал картину.

На лестнице, а чуть позже и в нижней зале, через которую я намеревалась пробраться на кухню, стихло.

Ну что ж, не зря со мной работала одна из лучших представительниц древнего дворянского рода. Старушка, нанятая мамой, научила держать спину и удар. Я спускалась по лестнице с достоинством королевы. Никаких зажатых поз. Прямая спина, вздернутый подбородок, доброжелательная, но не слишком, улыбка, взгляд на всех и в никуда.

Не просто так я напомнила себе об ударе, который научена держать с детства: от меня не скрылось, как одна из невест невзначай выставила ножку. Я уцепила легкое шевеление юбки и траекторию движения изящной туфельки, о которую должна была запнуться. Даже успела представить, как кубарем лечу с лестницы, теряя по пути расшитые голубым шелком мюли.

Я остановилась за секунду до предполагаемой точки падения. Изысканный шаг в сторону, поворот головы и тихое, но четкое «Убью!» заставили мерзавку распахнуть от удивле-

ния глаза. В них шевельнулся страх.

– А может, это сестра короля? Я слышала, ожидается приезд леди Адель, – через треск вееров до меня донесся шепоток. Краем глаза я увидела двух девушек, ревностно изучающих меня.

– С чего ты взяла? – переспросила другая, надвигая веер на лицо.

– У нее такие же, как у Конда глаза. Я сразу заметила. И цвет волос тот же.

А вот это меня удивило. Кухарки, помнится, говорили, что я похожа на другую попаданку, некую Аню, а прячущиеся за веерами утверждают, что я чуть ли не родственница короля. Следуя логике, получается, что я, Конд и Анна одной масти: темноволосые и зеленоглазые. Надо бы Волюшку расспросить о землянке поподробнее. Что-то здесь не так.

– Я слышала, Адель старше Конда.

– Ну не на полвека же. Вдруг все же она?

Тут говорящие поняли, что я пристально смотрю на них. Не знаю, что они прочли в моем взгляде, но, спохватившись, присели в глубоком поклоне. За ними, не поняв, что происходит, но побоявшись оказаться в неловком положении, начали приседать остальные. Даже та дамочка, что хотела подставить подножку. Я на всякий случай запомнила змею в лицо. И вскоре все дамы и кавалеры, находящиеся на лестнице, склонили передо мной головы.

– Однако, – услышала я за спиной знакомый голос. Из рас-

пахнувшихся дверей королевского крыла появился лорд Лоури.

Я смерила его равнодушным взглядом и продолжила шествие среди лавины опускающихся в поклоне людей. Раз уж выделил меня из общей массы невест, пусть попробует остановить: госпожа изволила есть, госпожа отправилась на запах еды.

Он догнал меня у входа в кухню.

– Паулина, – лорд несколько запыхался, – вам достаточно было сказать...

– Кому? Данту? Или той служанке, которую мне обещали? – я резко развернулась к нему. Черт. Вошла в роль госпожи, как бы теперь ловчее выйти.

– Не хотите вернуться к себе? – лорд предложил мне согнутую в локте руку. – Я провожу.

Я проигнорировала локоть. Шагнула ближе, чтобы Лоури услышал, что я хочу до него донести.

– Неужели вы не видите, что подобная опека только вредит. Личный слуга короля бежит за мной, словно мальчик, через всю залу.

Зрочки Лоури опасно расширились.

Глава 6

Ну почему я не могу сделать ни шага без чьей-либо опеки? Я ведь только что прекрасно продемонстрировала, что способна постоять за себя.

– Обо мне и так невесты что думают, а вы только подливаете масла в огонь, – я указала лорду на вход в коридор, откуда за нами, не скрываясь, наблюдали.

Лоури поморщился, но промолчал. Ему нечего было ответить – он сплеховал, но не желал признавать ошибку.

– Скажите, чего вы добиваетесь на самом деле? – не унималась я. – Хотите защитить или, наоборот, указать пальцем, как на главную соперницу несчастных девушек? Надеетесь, что они подумают, что место занято, и уедут? Объявите отбор оконченным?

– Нет никакого отбора – тяжело вздохнув, признался Лоури.

– Что тогда невесты здесь делают?

– Сами удивляемся. Все как-то стихийно произошло. Стоило леди Адель написать паре семей, что неплохо бы прислать своих дочерей ко двору – возможно они заинтересуют молодого короля, как началось нашествие.

Из короткого рассказа Лоури, я узнала, что тайный призыв королевской сестры со скоростью лавины разнесся по всему Рогуверду, а так же за его пределами. И как итог, неза-

мужние дочери родовитых семейств поспешили отправиться во дворец.

– И главное, их не страшат никакие трудности! – в сердцах пожаловался лорд Лоури. Чувствовалось, что постоянные жители дворца уже на пределе. – Третий этаж забит похуже казармы!

А невесты ехали и ехали. Кое как устраивались, теснили старожилок, жаловались на нехватку служанок, грызлись между собой, но все равно отказывались покидать двор: боялись уступить короля сопернице. Неприсязательные девушки втихую искали менее престижных женихов – отсюда карусель из кавалеров, которые тоже не прочь были найти состоятельную невесту.

– А король?

– Делает вид, что проблема невест его не касается. Попросил леди Розмари занять невест хоть чем–нибудь, чтобы дурью не маялись и на глаза ему не попадались. Она им разные конкурсы выдумывает. То салфетки вышивают, то полотна малюют. Кудесницы, – произнес, как выплюнул. – Из–за них Конд покои почти не покидал, а если нужно было куда выйти, то пользовался подземельем. Дуры.

В принципе, я понимала, что двигало отцами девушек, отправивших их за короной или приличной партией. Деньги к деньгам. Сама не раз была застигнута врасплох присутствием в родительском доме «хороших мальчиков», заехавших по надуманному предлогу именно в воскресенье, когда я на-

верняка буду находиться в усадьбе. Но, спасибо мудрому отцу, он никогда не настаивал, чтобы я водилась с кем-нибудь по указке обеспокоенной моим будущим мамы.

Дошло до того, что я в любом, даже случайном, знакомстве, подозревала ее участие. Дух противоречия настраивал меня против свиданий с сыновьями папиных партнеров. Я противилась всей душой и, возможно, даже упускала шанс стать счастливой. Так говорила моя мама. Но в то же время, я знала себе цену и никогда не связалась бы с «опасным мужчиной», о чем меня неустанно предупреждали домашние.

– Мама, мне всего двадцать! – огрызалась я, когда она пыталась выставить меня за дверь, где «случайно» околачивался с букетом цветов очередной претендент на мое сердце. – Мне еще рано замуж!

– А кто говорит о скором замужестве? Меня отец в девятнадцать к рукам прибрал. А свадьбу сыграли только через три года, когда я Настей беременная была.

Кстати, об опасных мужчинах. Король Рогуверда определенно относился к их числу. Авантюрист в чистом виде. Это настораживало и... волновало. Пока я владела слишком малой информацией о нем, но что уже могла сказать точно: во всех бедах Конда Корви были виноваты женщины. На Земле ли, здесь ли. Любой король – лакомый кусочек, а уж такой...

Я опять обернулась, чтобы взглянуть на хоровод разодетых невест, среди которых встречались прехорошенькие. Не буду кривить душой.

– Неужели Его Величество не может справиться с горсткой женщин? – я подпустила в голос иронию, иначе внимательный Лоури распознал бы неизвестно откуда взявшиеся нотки ревности.

– Горсткой? – лорд с тоской посмотрел на море голов. – Наш король не хочет обидеть отцов этих женщин. Единственный выход – жениться на самом деле, чтобы остальные убралась восвояси. Если бы вы знали, насколько жестокие битвы идут среди знати, желающей чтобы в королевской кровати оказалась представительница именно их клана. Если какую–нибудь из невест опрометчиво выпроводить из дворца, такой поступок сочтут за оскорбление, если не за позор.

– Теперь я понимаю, почему появился некто, кто попытался решить проблему иным путем.

Лорд Лоури, не сообразив, куда я клоню, выгнул вопросительно бровь.

– Нет короля – нет невест и нет позора, – я пожалала плечами. – Прекрасный выход из щекотливого положения.

– Однако! – Лоури пожевал губу. – Мы как–то не думали, что эти два события могут быть связаны. Но ваш вариант интересен. Надо бы рассказать о нем королю.

– Идите, Ваша Светлость, рассказывайте. А я пока поужинаю, – я глазами указала на дверь, за которой громыхали посудой. – Заодно узнаю, о чем шепчутся на кухне. Вы же помните, здесь у меня появились две подружки.

– Я буду следить за вами, – напомнил Лоури, нехотя раз-

ворачиваясь к выходу.

– Кто бы сомневался, – улыбнулась я в ответ и толкнула створки дверей в святая святых голодного человека.

Кухня встретила грохотом. Меня обдало густым паром. На раздаточном столе, за которым я сидела вчера вечером, высились горы грязной посуды. Двое мальчишек лет десяти старательно стряхивали остатки еды в ведра и сортировали тарелки, укладывая глубокие к глубоким, мелкие к мелким. Очищенную стопку тут же уносили и опускали в чан с горячей водой, куда наливалась зеленоватая густая жидкость. По дрожащей на поверхности воды пене я поняла, что посуду во дворце мыли с применением чистящих средств. Уже хорошо.

– Яконя, поддай кипятка, – громко скомандовала краснолицая женщина, и пока девка с закатанными по локоть рукавами снимала с огня котел и тащила к бадье, устало опустилась на маленькую скамеечку. Смахнув с лица пот, посудомойка оставила на выбившихся из-под косынки волосах клок пены.

Кипяток добавил пара, что взвился столбом к потолку. Сделалось еще жарче. Я расстегнула верхнюю пуговку. Считай, пришла мгновение назад, а тонкая ткань платья уже прилипла к спине. Не удивительно, что работавшие здесь люди без стеснения раздевались. Нижняя рубашка, через которую просвечивала дородная грудь, и заткнутая за пояс юбка, оголяющая крепкие ноги – вот и вся одежда, что осталась на

старшей посудомойке. Она тяжело поднялась и вновь зависла над бадьей.

Над двумя другими корытами согнулись такие же краснолицые и полураздетые женщины. Они полоскали посуду, передаваемую из первого чана. Результаты их труда принимали девчушки, едва достигшие подросткового возраста. Они основательно вытирали чашки и тарелки, которые тут же уносились к шкафам, где выставлялись по строго заведенному порядку. На кухне я насчитала не меньше дюжины детей, привлеченных к вовсе не легкому труду. Судя по осунувшимся лицам, они работали на кухне не первый час.

– Леди, здесь посторонним быть запрещено, – меня заметил пацаненок, что очищал посуду от остатков еды. Второй подхватил два полных ведра и, приседая от тяжести, потащил к боковой двери. Конд Корви вовсю эксплуатировал детский труд. И это человек, не раз бывавший на Земле и знакомый с достижениями цивилизации, но не гнушающийся проявлять замашки средневекового феодала. Печально.

– Я ищущу Саманту и Волюшку, – поторопилась сообщить я, поскольку на меня начали оборачиваться посудомойки. Как-то не хотелось попасть под горячую руку, слишком уж суровые у них были лица.

– Шаманту? – поправил меня паренек. – Кухарки закончили работу и отдыхают.

Я скривилась, поняв, что осталась без ужина. А нечего было от еды нос воротить, когда ее приносили.

– Мне очень нужно с ними поговорить.

– Вам лучше обратиться к распорядителю, – одна из посудомоек подошла ближе, вытирая руки о замызганный фартук. – Он над всеми на кухне главный.

– Нет, мне нужны именно Шаманта и Волюшка.

– Тогда вам надо туда, – она кивнула на проем, за которыми только что скрылся мальчишка с помоями, – а после свернуть направо. Их дверь третья по счету.

– Спасибо, – я мило улыбнулась, но моя улыбка пропала даром – усталые люди вернулись к своим делам.

Стоило мне распахнуть двери, как в лицо ударил морозный воздух. Оказалось, что выход вел во внутренний двор. Возле бочек с мусором грызлись собаки, чуть поодаль в крытом загоне довольно повизгивали свиньи. Видимо, это им перепала еда с барского стола. Я не видела смысла идти назад – уже стояла на припорошенной снегом земле и осталось только добежать до тепла. Плотно обхватив себя руками, я помчалась туда, куда мне указали.

К высокой каменной стене замка жалось длинное одноэтажное здание. Ничего другого, похожего на место для жилья, я не видела, поскольку напротив шел ряд подсобных помещений, откуда неслись звуки, издаваемые животными. Отсчитав третью дверь в цепи похожих друг на друга, я громко постучалась. Ответить на грозное: «Кого там принесло?» не смогла – зуб не попадал на зуб.

Дверь резко распахнулась, и так же резко меня втащили

внутри небольшой комнатки.

– С ума сошла? В тонком платье да на мороз? – Шаманта явно не видела различия между девицей, одетой в штаны и грубые сапоги, и нежной леди в красивом наряде. Ну, в принципе, она права – какая истинная леди будет шляться по задворкам?

– Я не з–знала, что придется идти через двор, – шелкнула зубами я.

Ахнувшая Волюшка тут же подскочила и накинула мне на плечи пуховый плат, в который сама только что куталась. Меня под белы ручки провели к печке, напоминающей буржуйку. На ней закипал чайник, его тоненький свист делал комнатку уютной. Усевшись на маленькую скамеечку и протянув руки к дверке, за которой плясал огонь, я огляделась. Две кровати, половик между ними, у окна стол, на подоконнике горшок с каким–то чахлым цветком, слева от двери узкий шкаф, зеркало в простенке и тут же тумба с металлическим кувшином для умывания – все очень скромно.

– Ты не гляди, что просто живем. Мы, считай, целый день на кухне, а здесь только ночуем, – Шаманта подхватила чайник и переставила на стол. – Нам хоромы ни к чему.

– Однако в усадьбе герцога Э мы жили куда вольготнее, – Волюшка доставала с полки чашки. – И к чему все во дворец рвутся? Работы больше, условия хуже.

– А почему вы не остались у герцога Э? – спросила я, желая поддержать разговор. Странная фамилия, конечно, уди-

вила, но я сделала поправку на чужой мир и чужие нравы.

– Уехал он. Теперь на Земле обретается, – Шаманта насыпала в чайник какой-то травы.

Я напряглась. На Земле? Значит, не вдали, на самом деле есть возможность вернуться?

– Нас тоже звал остаться, но нам Рогуверд милее, – глаза Волюшки блеснули слезами.

– Угу. Здесь покоятся кости наших родных, – Шаманта повертела ложкой в чайнике. Травинки понеслись по кругу, распространяя по комнате приятный аромат.

– Нет, ты не думай, в деньгах мы не нуждаемся, – Волюшка застенчиво улыбнулась. На ее щеках появились милые ямочки. – Наш прежний хозяин был щедр, могли бы уйти на покой...

– Рано нам еще на покой, – оборвала подругу Шаманта. – Мы живы, пока работаем. Как только уйдем на покой, захиреем.

Я понимала. Моя бабушка тоже не соглашается уйти на пенсию. Вроде и сын при деньгах и мог бы содержать, а нет, сопротивляется. «Я жива, пока кому-то нужна». Папины неустанные заверения, что ба нужна нам, ни к чему не привели: она так и таскается в свою бухгалтерию, причем даже не на такси, а на автобусе. «Тут всего-то пять остановок».

Маму ее упрямство невероятно злит, она чувствует упрек в свою сторону, хотя, по моему мнению, никакого умысла уесть сноху в словах бабушки нет. Каждый живет по соб-

ственному разумению. Мама, закончив институт, ни дня не работала. И никогда не рвалась. Зачем? Сначала поднимала меня и сестру, потом всю себя посвятила отцу. А ба молодец, да. Компьютер получше меня знает.

Я вздохнула. Только представила, что сейчас творится дома. Аж сердце защемило.

– Мы слышали тебя Паулиной зовут? – Волюшка протянула чашку с горячим напитком.

Я кивнула. Привыкла уже к исковерканному имени. Да и зачем настаивать, поправлять. Две недели, и я буду дома. Главное, не попасть в неприятности и не сгинуть. Поэтому, пусть зовут Паулиной и обращаются на «ты». Кухарки мне в матери годятся, им можно.

– Откуда ты такая? – Шаманта выдвинула из-под стола табурет и села на него. Волюшка прошла к кровати.

– Какая?

– В тебе страха нет. Мы сразу заметили, – Шаманта переглянулась с подругой. – И ведешь себя так, словно родилась принцессой. Мы уже наслышаны, как ты невест на колени поставила. Мальчонка с кухни тут же прибежал с докладом. Захлебывался – так торопился рассказать о новенькой фаворитке.

Слово «фаворитка» меня царапнуло.

– Для своего папы я и есть самая настоящая принцесса. Представляю, как он сейчас там головы рубит, – я вздохнула. Женщины так и застыли с поднесенными ко ртам чашка-

ми. – Я иносказательно. Переживает сильно, что я здесь... пропадаю.

Увидев облегчение в глазах, не удержалась переспросить:

– А почему мальчик назвал меня фавориткой?

– А как иначе? Фаворитка и есть. Поселили в королевском крыле, а не отправили, как прочих, на третий этаж. Приставили слугу из тех, кто самому королю прислуживает, а не абы кого...

Я поморщилась.

– Говорила же я лорду Лоури, не стоит ко мне в услужение мужчину давать, это неловко, а он...

– Свободных служанок на самом деле не сыскать, – поспешила оправдать лорда Волюшка. – Даже из кухни всех, кто посмышленее, пришлось в горничные перевести.

– И король решил использовать вместо выбывших кухарок детей? Разве это хорошо?

– Да чего уж хорошего? – Шаманта поднялась, чтобы долить духмяного напитка Волюшке. Я, грея о чашку руки, тоже перестала трястись. – Но только король тут ни при чем. Не его это дело людей на кухне расставлять. Распорядитель дал согласие.

– Наши работницы сами вызвались своих большеньких детей привести, – Волюшка взглядом поблагодарила подругу. – Почему бы в семью лишнюю денежку не принести, раз обстоятельства позволяют? Вот разгонишь ты всех невест, и вновь к прежнему укладу вернемся.

– Никого я не собираюсь разгонять, – я едва не подавилась отваром. – И вовсе я не фаворитка. Просто жду приезда леди Адель.

Хотела было добавить, что сестра короля поможет вернуться на Землю, но спохватилась – наверняка кухарки знать не знают, что король заболел, и Адель прибывает в Рогуверд именно по этому поводу.

– У меня важное дело к ней, – произнесла я и опустила глаза в чашку. Ну разве не так?

– Эх, а мы уж думали, нашему мальчику хоть в этот раз повезет... – Волюшка переглянулась с Шамантой. – Привез себе фаворитку с Земли.

– А чем бывшие не устроили? – живо откликнулась я. Фаворитки меня интересовали. Из чистого любопытства. Хотелось услышать историю, как король дал им от ворот поворот. – Плохо справлялись со своими обязанностями?

Но ответ Волюшки меня озадачил.

– Не в них дело. Тут у нас несчастная любовь.

– Безответная, – поправила Шаманта. – Мы были на свадьбе Ани с герцогом Э и своими глазами видели, как Его Величество изводился. Ревностью мучился. Но уж упустил девку так упустил, ничего не поделаешь.

Я отхлебнула отвара, не чувствуя его вкус. Уж лучше бы фаворитки, чем безответная любовь. Ее из головы просто так не выбросишь. Рана будет кровоточить долго. По себе знаю. Еще в шестнадцать влюбилась в одноклассника. Он вроде

поначалу тоже проявлял интерес, а потом как рукой отрезало. Я не сразу поняла, что он от меня бежит. Осознание того, что насильно мил не будешь, еще больше принесло страданий. Четыре года прошло, а я до сих пор при воспоминании о нем испытываю почти физическую боль. Так запал в душу. Эх...

Глава 7

Отогнав грустные мысли о несбывшейся любви, я вернулась к выуживанию информации.

– Выходит, Аня вышла замуж за вашего прежнего хозяина?

– Угу, – Волюшка поднялась, чтобы поставить чашку на стол. – Герцог Э ради нее перебрался жить на Землю. А как красиво ухаживал! Хорошая получилась пара.

– Хорошая, – подтвердила Шаманта. – Его Величество перестал к ним навещать сразу, как только узнал, что Аня беременная. Отправил подарок на рождение сына и больше на Землю ни ногой.

– А вы откуда знаете, что он чужой мир не навещал?

Вот как легко понять, что слуги не всегда в курсе происходящего. Иначе знали бы, что их король не просто посетил Землю, но еще и отхватил от кого-то. Надо бы с Кондом серьезно поговорить, чтобы выяснить, кому он так сильно насолил. Из-за него я нахожусь в центре мишени, и не мешало бы разобраться, от кого прилетит стрела.

– Сын лорда Лоури проговорился как-то, – гремя посудой бросила Волюшка.

– Дант?

– Почему Дант? – вскинула голову Шаманта, а я прику-

сила язык. Неужели только я знаю, что он бастард Лоури? – Сына лорда зовут Соул. Не встречала еще, что ли? Наш жеребец ни за что в услужение не пойдет. Горд. Ему бы королем родиться.

– Это его и гложет, – поддакнула Волюшка, наливая воду в таз, куда уже сложила чашки. – Не может отцу простить, что тот недостаточно благородных кровей. Лоури же поначалу невысокого чина был. Так, из бедных дворянчиков. А как помог Конду к власти вернуться, так сразу титул, замок Корви–Дуг и прилегающие к нему земли в благодарность получил.

– Дошло до того, – Шаманта понизила голос, – что все фаворитки короля, как только от ворот поворот получали, прямехонько в постель Соула прыгали.

– А король об этом знает?

В голову пришла мысль, что постель – именно то место, где развязываются языки. Уже была наслышана, как часто любовников после хорошего секса одолевают приступы откровенности. А если найдется умелый слушатель, вовремя поддакивающий да подталкивающий к нужным воспоминаниям, потерявшие бдительность вовсе соловьями заливаются. Не зря же постельный шпионаж используются всеми разведками мира.

Я взяла себе на заметку приглядеться к «жеребцу» Соулу. Вдруг беды Конда идут именно с этой стороны? Ну и что, что сын верного слуги? Лорд Лоури может не замечать, что

враг короля живет в одном с ним доме.

Нет, не зря я сходила в гости к кухаркам. Пусть и не перепала мне корочка хлеба, зато об обитателях королевского двора много чего узнала. Ну, почти.

– Кстати, о фаворитках. Бывших не бывает, они все время рядом и ревностно следят за новыми пассиями короля. Пусть я не отношусь к последним, но все же хочется знать, кого мне больше всего нужно опасаться?

Кухарки опять переглянулись.

– Ох, божечки, не наговорили ли мы чего лишнего? – Волюшка прикрыла рот ладошкой. – Я ведь совсем забыла, что ты под опекой лорда Лоури. А ну как проговоришься ему, о чем на кухне судачат?

– Меня через пару недель здесь уже не будет, – я хотела было заверить, что не из тех, кто наушничает, но Шаманта перебила.

– Паулине ссорится с нами нет резона, правда же, милая? А вдруг ненароком пересолим еду? – произнесла она, выставляя чистые чашки на полку. Хоть и стояла Шаманта спиной ко мне, я судорожно кивнула, подтверждая ее слова. Мне домой надо, а не загнуться неизвестно где от несварения желудка.

– Никогда не плюну в руку помощи, протянутую мне, – поспешила я обелить себя. – Клянусь.

– Ну тогда слушай, – Волюшка повесила на крюк полотенце, которым только что вытирала посуду, и придвинула бли-

же табурет. Шаманта на этот раз разместилась на кровати. – У нашего короля до недавнего времени было сразу две фаворитки.

Я сделала большие глаза. Вот это аппетиты!

– Одна из них постарше, – Волюшка оглянулась на подругу. – Лет на десять, кажись?

– Да кто эту леди Розмари знает! – Шаманта пожала тощими плечами. – Может, и в матери годится.

– Он однозначно в ней мать ищет, – Волюшка многозначительно покачала головой. – Вон и невест своих на нее спихнул.

– Ах, так это она им конкурсы устраивает! – я поняла, о ком идет речь. Видеть не видела, но уже наслышана.

– Вот-вот, – рыжая кухарка растянула в ехидной улыбке губы. – Ни одна красавица к королю не приблизится без ее, Розмари, разрешения. Поэтому мы тебя перво-наперво к ней отправить хотели. А ты, оказывается, в осмотре не нуждаешься. Другие осмотрели.

– Присмотрели, – поправила подругу Волюшка. – Ну и хорошо. Иначе столько о себе услышала бы. Розмари со словами не церемонится. Это она при Его Величестве тихая и нежная...

– А как она выглядит? – хоть и хотелось мне побыстрее услышать о второй фаворитке, но дело требовало остановиться на первой. Пока кухарки не замкнулись, окончательно решив, что слишком много болтают. Понятно же, им

прежний хозяин милее, чем новый.

– Высокая, статная, волосы всегда красиво прибраны.

– Шатенка? – я пыталась определить типаж женщин, которые нравятся Конду. Почему–то думалось, что он будет подбирать похожих на его безответную любовь. Но нет, король решил плясать от обратного.

– Белокурая. Голубые глазищи – что твоя чашка, – Воля кивнула на ту чашечку, что я все еще держала в руках. Спросилась с ней, можно сказать. Увлеченная разговорами, я не заметила, что продолжаю греть о нее, пустую, пальцы. – Красивая, надменная, холодная. Невесты от нее воют. Муштрует и выговаривает за малейший проступок.

– А вторая какая?

Про первую я уже все поняла. Блондинка вжилась в роль мамки, хотя не прочь поваляться с молодым правителем в постели. Предана королю и безжалостна к претенденткам на его тело. Такая сгноит похлеще злющей свекрови. И убрать ее будущей королеве будет нелегко. Я уже жалела ту несчастную, что чуть ли не ежедневно примется устраивать истерики на ровном месте. Так королю будет казаться, поскольку Розмари начнет действовать исподтишка, выставляя соперницу дурой. В конце концов, Конду надоедят капризы жены, и он вновь метнется за покоем в тихую гавань под названием «Мамочка Розмари».

– Вторая фаворитка дерзкая, – Шаманта поморщилась. – И шумная.

– Леди Николь словно ветер, за ней не уследить, – Волюшка пыталась смягчить впечатление от слов подруги. – Волосы вольной копной. Такие не соберешь. Непослушные, как и она сама.

– Верткая, языкатая, – Шаманта продолжала сыпать не очень приятными определениями, – и дикая, словно горная кошка.

– Но красивая, согласишься? – Воля взяла у меня чашку из рук и, поднявшись, быстро ополоснула. Открыв дверь и впус- тив в дом морозный воздух, вылила содержимое таза нару- жу. – Ой, батюшки!

– Кто у нас тут красивый? – в дом, стряхивая воду с под- битого мехом плаща, вошел Дант.

– Паулиночка наша красивая, – Волюшка кинулась за по- лотенцем, чтобы им обтереть намокшую ткань незваного го- стя. Мы все как по команде встали и вытянулись в струнку. – Верно же говорим, милый?

– Красивая, – Дант, отмахиваясь от хлопчущей вокруг него кухарки, широко мне улыбнулся. В его глазах плясали черти. – Не изволите, леди, вернуться в свои покои? Я уже вас обыскался.

– Я... Я... Я зашла узнать, что будет на завтрак, – нашла себе оправдание я. – Ужин как-то не задался.

– Ах, мы ж растяпы! – Волюшка с укоризной посмотрела на Шаманту. – И ведь не предложили ничего дорогой гостье!

– Я до утра потерплю, – я оправдала платье, чувствуя себя

неловко. Не знала, куда деть руки.

– Где ваша верхняя одежда? – Дант посмотрел на кухарок, но те лишь пожали плечами.

– Я так пришла. Да здесь и не далеко...

Я мысленно цыкнула на себя. С чего вдруг трепещу так, будто овца перед волком? Дант – мой слуга. И вести себя нужно соответственно. Никто же не знает, что под личиной милого юноши прячется сам король.

Выпрямив спину и вздернув нос, я шагнула за дверь. На плечи мне полетел плащ и укутал меховым облаком. Я оглянулась.

– Еще не хватало, чтобы вы заболели, – проворчал выходящий следом Дант. За него самого беспокоиться не приходилось: помимо жилета, фигуру обтягивал добротный камзол.

Так и потрусили до другого, более помпезного входа, когда обнаружили, что на кухонную дверь навесили огромный амбарный замок.

– Я где только тебя не искал, – прошипел недовольный король. Облачка пара вырывались из его рта. – На кухне уже темно и ни души. Хорошо, что догадался спросить у ротозея, назначенного караулить тебя. Стоял, как истукан, у двери. Говорит, леди зашла и не выходила. Только тогда я сообразил, что искать тебя следует на помойном дворе за одной из дверей.

– Вы в каждую стучались? И к свиньям? – я злилась. Ну

не ребенок же я, чтобы так отчитывать. Что со мной могло случиться у кухарок? Я родителям такого контроля над собой не позволяла. Хотя, если бы позволила, сейчас не вышлагивала бы по чужому миру.

– И к свиньям тоже. Была у меня однажды такая. Все на птичек бегала смотреть.

Его слова царапнули. «Была у меня такая». Сколько их было? И с каждой в постели кувыркался? А может, и сразу с двумя, раз уж его любовниц на кухне обсуждают?

Я поморщилась. Не могла представить в одной кровати холодную рассудительную Розмари и дикую кошку Николь. Черт, не успела расспросить о ней поподробнее. Вдруг встречу и не узнаю, с кем столкнулась? Придется снова найти предлог, чтобы посетить кухарок. Не дослушала я.

В нижней зале и на лестнице продолжали флиртовать невесты. Правда, остались самые стойкие. На нас смотрели с неприязнью. То ли я так раздражала, то ли мой спутник, поскольку стоило нам появиться, как близко стоящие друг к другу парочки расступились. Некоторые девицы так и вовсе поторопились спрятаться за веерами.

– Что с ними? – тихо спросила я. – Откуда такая досада на лицах?

– Все знают, что Дант служит королю, – так же тихо ответил «слуга». – Что не увидел один, всегда заметит второй.

– М–м–м, так мне достался личный слуга Его Величества? – дыхание сбилось. Я слишком резво поднималась по

лестнице. Мне жгли спину чужие взгляды, поэтому хотелось побыстрее убраться.

– Вам достался сам король. Советую не пренебрегать его к вам расположением.

– Спасибо за совет. Я с удовольствием воспользуюсь им при случае.

– Позовете спинку потерять? – косой взгляд в мою сторону и усмешка на губах Данта заставили запнуться. Лишь подставленная рука слуги не позволила рухнуть носом вперед. Наверняка, этого падения многие желали.

– Я поблагодарю его за гостеприимство, когда будут закрываться дверцы лифта, – я опять подхватила юбки.

Подбитый мехом плащ ужасно мешал. Я скинула его с себя движением плеча.

– Его Величество в силах сделать так, чтобы эти дверцы никогда не открылись, – «слуга» подобрал шубу и легко догнал меня. – Даже если леди Адель встанет на вашу сторону.

– Конд Корви мне угрожает?

Двери в королевское крыло широко распахнулись.

– Предупреждает.

– Хорошо. Я поняла. Больше не буду уходить, не поставив вас в известность.

– Король рад, что его верно поняли.

В покоях меня ждал накрытый стол. Я тут же все простила и королю, и Данту. У меня на глазах даже выступили слезы. Такая забота. Мило.

– Почему вы продолжаете исполнять роль слуги? – я ополаскивала руки, тогда как Дант лил воду из кувшина. – Кто-то грозился найти мне служанку.

– Я понял, что не хочу, чтобы в королевском крыле находились посторонние люди. Служанки здесь никогда не появлялись и не появятся. Достаточно тех сплетен, которые вы уже насобирали.

– Так отселите меня. Все проблемы разом уйдут, – я мысленно скрипнула зубами – наверняка король слышал, как мы сплетничали с Шамантой и Волюшкой. Он вполне мог догадаться, чью персону мы обсуждали.

– Не могу. Третий этаж забит.

– Неужели нет других покоев? Дворец велик, я с улицы заметила, – я стянула с крюка полотенце, а когда, вытерев руки, подняла голову, то столкнулась с невозможно голубыми глазами Данта. Какими-то прозрачно-хрустальными, притягательными. Я даже замерла, любуясь на их дивный цвет.

– Вот поэтому и не хочу, – просто ответил «слуга», вынимая у меня из рук полотенце. Желание бесконечно смотреть в его прекрасные глаза моментально схлынуло. – Я вижу, как на вас действуют мужчины.

– Позвольте! И как по-вашему на меня действуют мужчины? – чтобы не вносить сумятицу в столь серьезный разговор, я тоже перешла на «вы».

– Немного магии, и вы готовы упасть в объятия даже такого юнца, как Дант. Что уж говорить, когда вами заинтере-

суется более опытный обольститель.

– С чего ему мной заинтересоваться? – в моем голосе появился металл. В качестве самозащиты. Видите ли, ко мне применили магию приворота, а я и поплыла. – Я не из принцесс, у меня нет ни гроша за душой, и вообще, я здесь временно.

– Во–первых, вы красивая женщина.

Тут я перестала дышать. Смотрела на губы Данта и не могла оторваться.

Да что со мной? Опять магия?

– А во–вторых, король выделил именно вас. Многим захочется попробовать запретное. Я уже говорил, что вы сделали добычей.

Ну да. Наверняка не всякой протеже короля при первой же встрече захотелось бы подставить подножку.

– Добычей? А может, подсадной уткой? Взбаламутить общество, направить все внимание на меня и ждать, когда враг совершит ошибку?

– Думайте, что хотите, но жить до приезда леди Адель будете здесь, – отрезал Дант и, развернувшись на каблуках, вышел.

Я ненадолго осталась в ванной наедине с ночной вазой. Накрывая горшок крышкой, твердо решила, что никому не позволю дотронуться до него. У меня самой хватит сил вынести горшок за дверь. Потом. Ночью.

Ужин прошел в молчании.

Когда я сложила вилку и нож на тарелке, Дант поднялся с дивана, на котором коротал время, рассматривая меня. Открыв дверь, он впустил двух слуг. Один быстро собрал на принесенный с собой поднос посуду, второй ринулся в ванную и вышел оттуда с злополучным горшком.

Хо–хо! Проблема–то уже решена. Хотя вопросы остались.

– А почему с самого начала нельзя было привлечь этих же слуг? Зачем самому заниматься не совсем приятными обязанностями, когда их есть кому выполнять?

– Почему неприятными? Мне понравилось ходить с вами в купальни.

Я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли.

– Я говорю о ночной вазе.

– Ах, это. Хотел лично убедиться, что вы не беременны.

Я открыла рот.

– У вас есть тесты на беременность? – когда я смогла говорить, мой голос сорвался в писк. Уже представила, как король распаковывает тест и производит с ним манипуляции.

– Мы по старинке. С помощью амулета.

– Зачем вам это?!

– Речь о престолонаследии.

– Да боже ж мой, мы же уже прояснили, что я останусь в Рогуверде ровно до приезда вашей сестры! Я не ваша истинная половинка, нет! Ищите другую невесту. У вас их целый третий этаж.

– Но узнать о вашем состоянии не мешало.

– Да делайте что хотите! Только не стройте иллюзий, – мое лицо полыхало, а Дант опять растянул губы в улыбке. – И не смейте меня привораживать! Никакая магия вам не поможет. Я никогда не выйду замуж по принуждению. Только по любви.

– Что ж. Тогда я влюблю вас в себя, – его улыбка сделалась еще шире. Да он издевается! Я топнула ногой и отвернулась к окну. – И кстати, сейчас я не применял магию.

– Тем хуже для вас. Я скорее влюблюсь в вашего пажу, чем в вас.

– А вот это действительно проблема, – произнес «слуга» задумчиво. Я хотела смерить его торжествующим взглядом, но решила держать марку – продолжала смотреть в темное окно. – Вы знаете, что непочтительно стоять к королю спиной?

– Вы уж определитесь, кто вы сейчас, – сказала и почувствовала, как по позвоночнику пополз холодок. Изменившийся голос заставила меня обернуться. Передо мной стоял король. Я сглотнула и присела в почтительном поклоне. Не знаю, использовал он сейчас магию или нет, но говорить мне вовсе расхотелось.

– Я решил, – Его Невозможное Величество был серьезен, – что буду оставаться собой наедине с вами.

Я вскинула на него глаза.

– И нет, я не попадусь, – продолжил он, изучая мое лицо. – Никто не посмеет войти в эту комнату без моего разрешения.

Через некоторое время удалившийся Дант вернулся. Он принес кое–какие мужские вещи и повесил их в шкаф, отодвинув мои платья.

– Вы что, перебираетесь ко мне жить? – я поднялась с постели, придерживая у груди покрывало. Я уже приготовилась отойти ко сну и никак не ожидала повторного визита «слуги».

– Да, – кивнул он, расстегивая жилет. – Я буду жить в ваших покоях. В моих, видите ли, поселился бастард лорда Лоури. А соседнюю комнату заняла стража. Не идти же мне на третий этаж?

Я задохнулась от такой наглости.

Глава 8

Пока король возился с запонками, я искала действенные слова. Чтобы раз и навсегда отучить его принимать решения, которые меня не устраивают.

– Что скажут люди? – задавая вопрос, я не думала о собственной персоне. Прикоснуться к себе не дам, в этом ни минуты не сомневалась. А если говорить об испорченной в чужом мире репутации, то через две недели меня здесь не увидят, и все королевское безобразие я буду вспоминать как дурной сон.

– Какие люди? – Конд не смотрел на меня, продолжал увлеченно раздеваться.

– Его Величеству стоит подумать о том, сколько благородных отцов затаят обиду. Король, мало того, что выделил неизвестную девицу без титулов и состояния, так еще позволил себе ночевать в ее комнате, тогда как их дочери томилась на третьем этаже без внимания. Разве ваши вассалы поприветствуют столь развратное поведение своего сюзерена? На время отбора вам следовало бы забыть о любовницах. Факт вашего прелюбодеяствия унизит будущую королеву.

– Где вы видите королевских любовниц? – он театрально оглядел небольшое помещение. – Здесь их нет? Тогда и говорить не о чем. А касательно невест и моего к ним непочтения скажу одно: разве вы забыли, что Его Величество лежит

в своих покоях тяжело больной?

– Ну–ну, – я выставила палец, который уткнулся в грудь наглеца – этим жестом я пыталась остановить чересчур поспешное расстегивание пуговиц на рубашке. – Не значит ли это, что весь дворец уже в курсе, что Конда Корви лишился магического дара?

– Нет, о болезни короля никто, кроме врага, не знает. Весь этот спектакль исключительно для него. Но то, что его слуга таскается в комнату некой земной девицы, а с сегодняшнего дня и ночует, будет известно многим. Я сам распущу слухи.

Мои брови взлетели вверх.

– Вы решили окончательно добить меня? – я выдернула руку из его ладони. Не заметила, как он перехватил уткнувшийся в его грудь палец и прижал к губам.

– Дело было сделано, когда вы появились на лестнице в штанах в обтяжку и нелепых сапогах до колена.

Я зашипела, Конд же снисходительно улыбнулся.

– Мое пребывание в ваших покоях в ночное время имеет иную причину, – произнес он, погасив улыбку. – Мне уже доложили, как одна из дам пыталась столкнуть вас с лестницы.

– Вы как–то ее наказали?

– Никак.

Я не стала просить убрать ее из дворца. Это значило бы победу змеи: я струсила и побежала прятаться за королевскую спину. Да и кто я такая, чтобы лишать Его Высочества удовольствия от общения с невестами, даже с такими под-

лыми? Мое дело продержаться две недели и свалить.

– Я ничего не буду менять, пока не выясню, кто враг. Но в то же время, я не хочу подвергать вас опасности. Пусть знают, что подобраться к вам задача не из простых. Дант отлично владеет приемами ближнего боя.

– А, так вы теперь не просто мой слуга, но еще и охранник?

– Совершенно верно. Не подселать же в ваши покои одного из тех истуканов, что дежурят у моих дверей?

– Истуканов точно не надо, – я помотала головой, только представив, что рядом с кроватью будет стоять груда железа. – Но неужели у вас нет какой-нибудь супер-шпионки, которой можно поручить мою охрану?

– Хотите познакомиться с леди Розмари?

– С вашей престарелой любовницей?

– Мне кажется, или я на самом деле слышу нотки ревности? – король сдернул с себя рубашку и остался в одних штанах. Я невольно прошлась взглядом по его гибкому стану, развитой мускулатуре, тонкой талии и...

Мне сделалось жарко.

– Леди Розмари, – в глазах Конда плясали черти, – только кажется моей любовницей. Благодаря придуманной нами легенде, я могу вызывать ее в любое время суток, уединяться без стеснений и даже увозить ее в романтические путешествия. Никто не посмеет мешать нашим любовным играм. А они бывают порой весьма опасны. Под ее юбкой чего только

не найдешь: начиная с оружия, заканчивая ядами. Сейчас я доверил ей самое дорогое, что у меня есть.

– И что же это? – мои мысли метнулись к Николь, которая наверняка не состоит в отряде шпионов. И опять червячок ревности крутанулся в моей груди. Я – не самое дорогое.

– Как что? Мои драгоценные невесты. Я должен знать, чем дышат подданные. А через молоденьких, не умудренных дворцовыми интригами девушек не трудно выяснить, какие настроения царят в их семьях. Желая понравиться моей любовнице, которая даст рекомендацию королю относительно выбора жены – об этом тоже распушен слух, они рассказывают весьма интересные вещи. Как о себе, так и о своих соперницах.

Пока я пребывала в протрации, поражаясь продуманности ходов Его Величества, Конд уже облачился в длинный халат. Подойдя к кровати, он откинул одеяло со второй ее части.

– Что вы делаете?! – я едва не выронила покрывало.

– Собираюсь спать.

– Но не на одной же со мной постели!

– Где вы видите вторую?

– А диван?

– Он не предназначен для сна.

– Тогда я пойду на диван, – я подхватила концы длинного покрывала и потащилась в «гостиную». – Сдается мне, что вы не столько боитесь за меня, сколько решили воплотить в

жизнь план по обольщению.

– Не пройдет? – Конд, нисколько не смущаясь, сбивал подушку, чтобы удобнее улечься.

Диван на самом деле не предназначался для сна. Даже для меня, невысокой, он оказался слишком мал и неудобен. Шелковые подушки просто разъезжались, а ноги, если мне хотелось распрямиться, упирались в подлокотники.

Я промаялась полночи, а Его Несносное Величество даже не предложил поменяться. Конечно, не королевское это дело валяться на диване.

Уснула кое–как. Скорее, впала в забытие на какое–то время. Проснулась от того, что ломило тело, а покрывало совсем не грело. Меня сотрясал озноб, но я держалась: нельзя поддаваться слабости и перебираться на кровать, где вольготно развалился малознакомый мужчина. Пусть любовницы спят у него под бочком, а я уж как–нибудь обойдусь.

«Да отчего же так холодно?»

Будь у меня настоящий слуга, я бы послала его натопить комнату получше. Еще одна такая холодная ночь, и я сдохну.

– Что ты все время вертишься? – как через вату до меня донесся недовольный голос Величества.

– З–замерз–заю, – простучала я на языке азбуки Морзе, между прочим отметив, что со мной опять на «ты».

– Как можно мерзнуть в жарко натопленной комнате? Здесь дышать нечем, – на этот раз в словах Величества слышалось недоумение. Не успела я ответить, как он оказался

возле меня. Прохладная рука дотронулась до моей щеки. Я отмахнулась. – Да ты вся горишь!

Конд Корви наклонился и для верности приложился губами ко лбу.

– З–з–з–з... – прозудела я, забыв другие слова.

– Я сейчас, – он метнулся за дверь.

Я укрылась с головой, стараясь надышать тепло и хоть как–то согреться.

Черт, неужели заболела? Добегалась в одном платье по помойному двору. Если бы на кухне не вспотела, ничего не случилось бы. Как бы теперь в несовершенном мире не подохнуть от ангины или воспаление легких. Без антибиотиков будет мне труба.

Я ждала прихода доктора и боялась его визита. Помнила о жутких средневековых лекарских приемах, от которых скорее в гроб ляжешь, чем выздоровеешь. Наверняка или кровь пустят, или пиявок насадят.

– Леди нужно положить на постель и раздеть, – мягкий голос доктора, звянящего склянками в сундучке, заставил вынырнуть из–под одеяла. Дант был тут как тут и тянул свои руки, чтобы поднять меня.

Я отмахнулась. Завернувшись в одеяло поскакала на кровать. Теперь это мое законное место. С больными не спорят.

– Уберите покрывало и снимите рубашку, леди, – доктор поправил на носу круглые очки. Дант суетился рядом, принося и зажигая лампы.

– Д–для чего? – поход до кровати хоть и не был долгим, но окончательно заморозил.

– Я вас послушаю.

Стоило доктору открыть свой сундучок, как из него густо пахло лекарствами.

– Пиявок и кровопускания не будет?

– Леди, мы не в дремучем веке живем, медицина продвинулась далеко вперед, – он сел на кровать и повертел перед моим носом причудливой слушательной трубкой. На такой впору в оркестре играть, слишком уже замысловаты были ее изгибы.

Поглядывая на Данта, проявляющего положенную слугам активность, я распустила на груди завязку и приспустила ткань, позволив доктору прижать ко мне свою трубку. Последовало привычное с детства: «Дышите – не дышите, а теперь повернитесь ко мне спиной». Я ежилась от прикосновения холодного предмета к горячей коже.

– Откройте рот, – доктор пощелкал пальцами, чтобы поднесли яркий свет.

Я высунула язык и скосила глаза на Данта.

– Ну что же, как вы и думали, ваша госпожа хватанула проклятье, – почему–то лекарь обращался не ко мне, а к моему слуге.

– Какое? – лицо Данта сделалось опасным. Исчезли мягкие черты юного мальчика, глаза сузились и потемнели.

– Судя по тому, как потемнел кодонкул, – доктор паль-

цем показал на один из концов слушательной трубки, и я явно разглядела, что блестящий прежде, он сделался опаленным, словно его лизало пламя, – а язык покрылся характерным налетом, леди стукнули жабьим проклятьем.

– Что это значит? – я прижимала покрывало к груди и умираю от страха. – Оно лечится?

– Лечится, леди. Лечится, – доктор возился в своем сундучке, гремя склянками, – если позволите натирать себя целебной мазью каждые два часа. Если же начнете капризничать, к утру ваша кожа приобретет зеленоватый оттенок, а через неделю покроется бородавками, отчего проклятье и назвали жабьим. Пренеприятное зрелище.

Он выставил несколько стеклянных флаконов и чашу с пестиком.

– Смешать в равных долях, – объяснил он «слуге», поднимаясь с кровати. Дант кивнул и проводил эскулапа до двери.

– Ну так что, – произнес Его Величество, раскладывая склянки на столе, – будем лечиться или хотим дожидаться леди Адель жабой?

– Я бы на вашем месте поторопилась выявить, кто осмелился на преступление. Или сыпать проклятьями у вас привычное дело? Никакого порядка во дворце, – я так злилась, что даже перестала трястись от холода. – Бросаются заклинаниями все, кому не лень.

– Ведьму уже ищут, – спокойно ответил Дант, растирая пахнущую мятой траву и доливая в нее вязкой жидкости, по-

хожей по цвету на мед.

– Ведьму?

– Магический дар в Рогуверде явление редкое. Носители колдовской крови под строгим контролем, тем более во дворце. И насколько я знаю, среди моих невест нет ни одной, обучавшейся в магической академии. Следовательно, ее талант развивался в домашних условиях. Жабье проклятье – типично женская месть. Стоит задаться вопросом, почему ведьма не рассказала о своих способностях леди Розмари, ведь даже самый плохонький дар ставит ее на ступень выше над остальными претендентками на корону.

– А может ведьма потому и скрывает, что желает зла не сколько мне, но и прежде всего вам? Вдруг она как раз тот враг, что подловил вас на Земле? Вы же сами обмолвились, что ходили на свидание с женщиной.

– Теперь я ясно понимаю, что меня просто выманили. Знали, что на крик о помощи Анны я непременно явлюсь, – лицо «слуги» хранило холодность, но мне почему-то казалось, что король надел очередную маску.

– И вы не видели, кто напал на вас? – я, ожидая ответа, закусила губу. Эта Анна все больше волновала меня. Такая привязанность к замужней женщине? Идет спасать по первому зову? Неужели Конд не доверяет ее мужу?

– Не видел. Ко мне подобралась сзади, когда я сидел на скамейке. Подошли неслышно. Даже снег под ногами не скрипел. Потом накрыли ладонями глаза. Трудно понять,

женщина или мужчина стоит за спиной, если руки в перчатках. Пока я шутил и пытался угадать, в темечко вонзилось нечто острое, и я от боли потерял сознание.

– Но у вас на голове не было крови, я бы заметила. Любая рана в таком месте дает обильное кровотечение, я знаю.

– В меня вонзили не материальный предмет. Магическую иглу. Удивляюсь, что вообще выжил.

– Не знаю, права я или нет, но враг не хотел вас убивать. Иначе он воспользовался бы простым, но действенным методом. Я имею в виду материальные предметы: тот же нож или что–нибудь из огнестрельного оружия. А вас всего лишь лишили родовой магии.

«Всего лишь» королю не понравилось. Он в негодовании вздернул брови, но промолчал, позволив мне продолжить.

– А раз вы утратили способность открывать порталы, то напрашивается единственный вывод: вас хотели запереть в Рогуверде.

– Почему не на Земле?

«Да потому что кому–то сильно не нравится, что ты все еще любишь Анну», – подумала я, но, конечно же, вслух не произнесла. Я не знаю, какие у Конда отношения с герцогом Э, но моя мама определенно нервничала бы, если бы у папы была какая–то давняя любовь, к которой он бежал бы по первому зову. Так что один из подозреваемых у меня есть – это герцог Э.

– Но лифт же отвез нас не на стоянку? И портал открылся,

хотя не должен был, – вполне резонно заметила я. – А значит, вам дали шанс вернуться.

– А может, снаружи в Рогуверд попасть легко? Вдруг портал работает только в одну сторону?

– Мы этого никогда не узнаем. Вы и ваша сестра находитесь по эту сторону дверей.

– Отчего же? Ключи от Рогуверда есть у Анны.

Я цыкнула и отвернулась к окну. Опять эта Анна. Теперь Конд будет надеяться, что Его Вечная Любовь обеспокоится его долгим отсутствием и навестит его. Что–то мне совсем не нравится эта Аня. Что за цаца?

– Анна имеет магический дар? – вполне резонный вопрос, если учесть с какой настойчивостью действует Конд. Надоел хуже редьки, вот его и выпроводили с Земли.

– Нет, только ее супруг.

– Он сильный маг? – я затаила дыхание.

Поймет или не поймет, на что я намекаю? Перед ним семейство с даром, которое наверняка не очень радо его болезни под названием Любовь. Или второй вариант – неожиданный конкурс невест. Тоже вполне себе версия. Тем более, что напасть пытались на меня – явную нынешнюю пассию короля.

– Да, супруг Анны сильный маг.

– Возможно ли такое, что кто–то из рода герцога Э, так же обладающий мощной магией, находится в Рогуверде и имеет на вас виды? Устранение меня, как конкурентки, с помощью

проклятья – даже у нас подобное практикуется. В отдельных слоях населения.

– Исключено. Тот, кто провернул со мной столь сложное колдовство, не будет размениваться на жабые проклятье. Для сильного мага подобные манипуляции унижительны. В твоём случае проявилась обыкновенная женская месть.

– Ну раз вы отвергаете заговор родичей Э, то тогда у меня остается один вариант – мне отомстила та самая змея, что намеревалась подставить ногу. Она надеялась, что я кувыркну с лестницы, а когда не вышло, прокляла.

– Розмари разберется, не переживай. Идите на кровать.

Я хлопнула глазами. Так увлеклась разговором, что не заметила, как оказалась возле стола. Никакого озноба уже не испытывала и вообще забыла про болезнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.